

ТЫЛЫЦА ФЕЙ И ЗАКОЛДОВАННЫЙ ОСТРОВ

ГЕЙЛ КАРСОН ЛЕВИН

ГЕЙЛ КАРСОН ЛЕВИН

ТЫЛЬЦА ФЕЙ
И ЗАКОЛДОВАННЫЙ
ОСТРОВ

Иллюстрации
ДЭВИДА КРИСТИАНЫ

ЭГМОНТ

Левин, Г. К. Пыльца фей и заколдованный остров [Текст]:
Роман/ Пер. с англ. И. Токмаковой. —
М.: Эгмонт Россия Лтд., 2005. — 240 с, ил. — 7 000 экз. — I
SBN 5-9539-0793-1.

© 2005 Disney Enterprises, Inc.
All rights reserved.

Название на языке оригинала:
Fairy Dust and the Quest for the Egg

Художник: Дэвид Кристиана.
Перевод с английского: Ирина Токмакова.
Редактор: Ирина Копылова.

Издательство «Эгмонт Россия Лтд.».
121099, Москва, 1-й Смоленский пер., 9.
Гигиенический сертификат № 77.99.02.953.Д.000294.01.05 от 24.01.2005.
Подписано в печать 15.09.2005. Объем 15 ф. п. л. Формат 84х100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonC».
Тираж 5000 экз. Заказ № 3027.
Издательский номер 0388-05.

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

ISBN 5-9539-0793-1

*Посвящается Джеймсу М. Барри
и моему первому бойфренду Питеру Пэну*

Г. К. Л.

*Посвящается Кэт — всегда самой лучшей,
и Кристи — тоже самой лучшей,
и дням, какие мы переживаем теперь.*

Д. К.

*(Дэвид Кристиана —
иллюстратор)*

ТЫЛЫЦА ФЕЙ
И ЗАКОЛДОВАННЫЙ
ОСТРОВ

Глава ПЕРВАЯ.

Когда малышка Сара Квёртл засмеялась первый раз в своей жизни, её смех радостно забулькал и тут же выпорхнул в окошко. Он скользнул вниз по стене её домика и заскакал по дорожке. Потом смех свернул направо, на Уотер-стрит, что, как известно, означает Водяная улица, и резво двинулся в сторону моря, которое отделяет Большую землю от острова Нетинебудет. Не останавливаясь на берегу, он стал перепрыгивать с одного гребня волны на другой.

Он так увлёкся, что проскочил остров, оказавшись много южнее него, и так бы никогда и не смог приземлиться, если бы остров Нетинебудет тоже не двинулся к югу. Острову и самому захотелось встретиться со смехом маленькой Сары.

Надо заметить, что вы никогда не сможете оказаться на этом острове, если он этого не захочет, а если он сам пожелает вас видеть, то вы ни в коем случае не промахнётесь.

Довольно странное место этот остров, доложу я вам. И люди (или неуклюжики, как их называют феи), и звери, которые там обитают, никогда не вырастают, не становятся взрослыми. Никогда-никогда. Второго такого места на земном шаре нет и быть не может. Вот почему остров называется Нетинебудет. А передвигаться по волнам ему дано потому, что дети-неуклюжики в эту его возможность беспрекословно верят. И если в один ужасный день все дети утратят эту веру, остров поднимется в воздух и улетит. Да и сейчас стоит только одному маленькому неуклюжику перестать верить в фей, как одна из фей исчезает, и спасти её может лишь одно — если много ребятишек одновременно начнёт хлопать в ладоши в знак своей веры в чудеса.

Временами этот остров делается большим-большим, а порой он становится совсем маленьким. Как правило, обитатели острова селятся вблизи берега. А леса, и долины, и высокая гора Тортс, внутри которой заключён дракон Кито, остаются почти совсем необследованными.

Как только остров двинулся в путь, Мать-Голубка тут же догадалась, что к нему приближается смех. «Давно пора», — подумала она. Она всегда радовалась гостям. А уж в какой восторг придут феи!

Она тут же сообщила о своей догадке фее по имени Бек, которая на острове лучше всех понимала язык зверей, Бек поделилась новостью со своей подружкой Мот, которая умела так светиться, что могла разом озарить всё Дерево, служившее феям домом. А Мот в свою очередь рассказала фее Динь-Динь, а вместе они просветили ещё восемь фей.

Видите ли, какое дело. Когда младенец засмеётся в первый раз, его смех тут же превращается в фею. Чаще всего фея эта остаётся жить на Большой земле. Она может стать

феей внушительных размеров с волшебной палочкой или, наоборот, совсем маленькой феей с волшебной палочкой, а то становится феей, которая может зачаровывать, или гигантской мерцающей феей. Но порой случается, что она превращается в такую фею, которая отправляется на остров Нетинебудет.

Нам надо помнить, что любая фея на острове обладает каким-нибудь своим талантом и умением. И теперь, в ожидании новой феи, каждая из них хотела, чтобы новенькая обзавелась её талантом и обучилась её умению. Именно поэтому все они старались каким-нибудь образом отличиться, чтобы привлечь гостью на свою сторону. Феи, которые были дизайнерами новых замочных скважин, придумывали ещё более замысловатые модели. Те, что пасли гусениц, сумели отыскать гусеницу, которая пропадала где-то уже целую неделю. А одарённые музыкальными талантами феи стали репетировать на час дольше, надеясь, что новая фея примкнёт именно к ним. Тем более, что они недавно потеряли подругу — она погибла оттого, что один мальчик заявил, будто он решительно не верит в существование фей.

Приближаясь к острову, смех проскользнул под русалочьей радугой, затем пролетел над пиратским кораблём, который был укрыт в отдалённой бухточке. Он по наивности даже и не испугался пиратов. Оттолкнувшись от земли, он помчался вдоль берега и ни на секундочку не задержался, пролетая мимо стада прекрасных черепах в ярко-жёлтых панцирях. Ему некогда было ими любоваться.

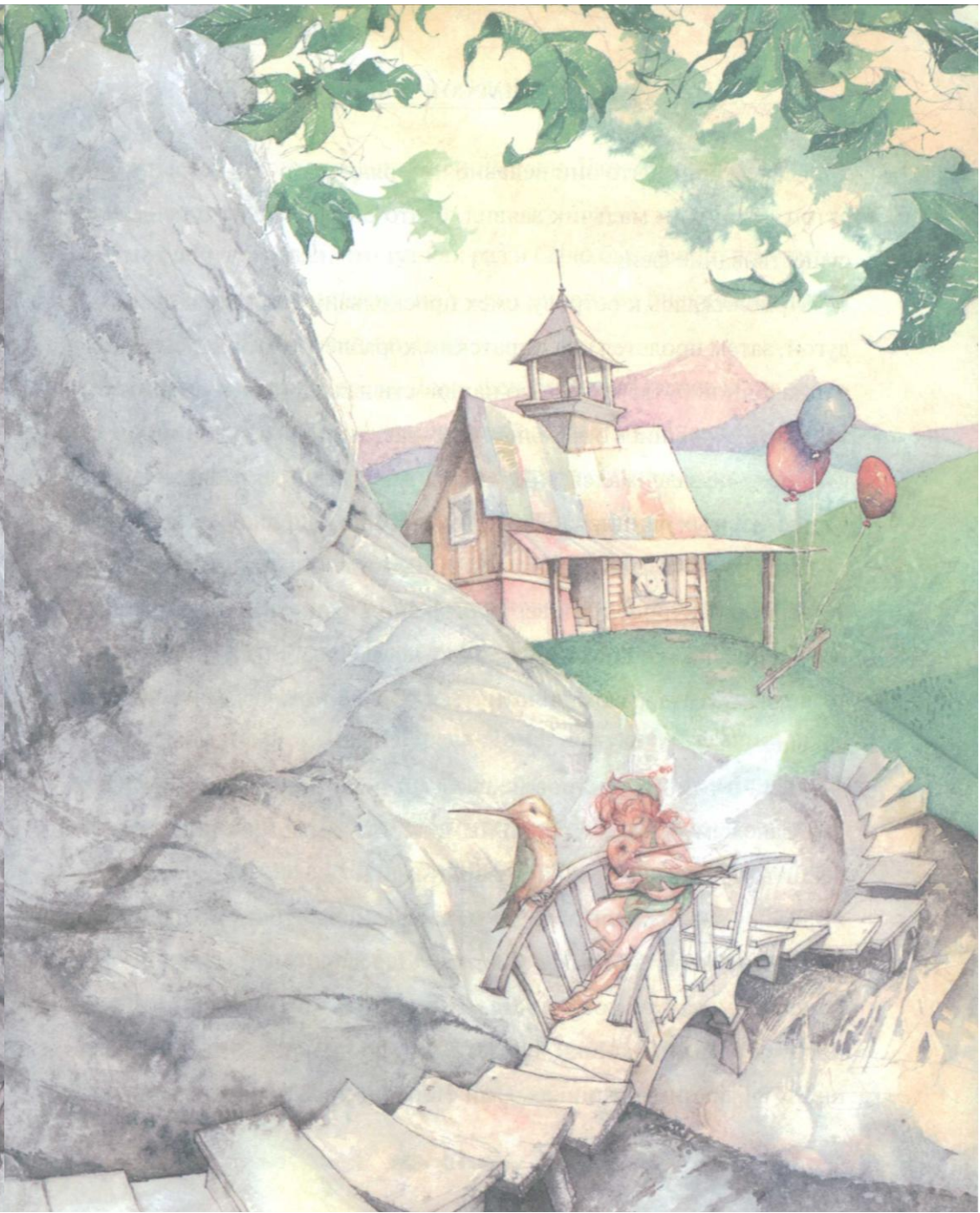
Вскорости смех чуть сбавил темп. Когда он миновал пятьдесят четвёртую ракушку, то повернул и решил двинуться в глубь острова. Однако далеко продвинуться ему не удалось. Воздух стал каким-то неведомым образом уплотняться. Он не позволял смеху лететь дальше.

Дело в том, что остров испытывал некоторые сомнения. Смех показался ему каким-то странным, необычным, и он никак не мог решить, принимать его или не принимать.

Внизу располагалось место под названием Приют Фей. Там рос огромный клён, и это было как раз Дерево-Дом, где и жили феи. Каждая имела там по комнате. Феи в этот момент были очень заняты. Они мыли окошки, перестилали постельное бельё, поливали цветы в балконных ящиках. Они старались всё привести в порядок к празднеству в честь предстоящей Линьки. Что это такое, вы узнаете немного позже.

Смех почувствовал, что тут как раз и было бы хорошо поселиться. Он хотел спуститься вниз, но у него ничего не получилось. Воздух по-прежнему его не пропускал.

В нижних этажах Дерева-Дома феи были заняты своими делами. Две феи-швеи торопились дошить одеяние из лепестков ириса. Бесс, самая талантливая художница острова, спешно накладывала последние мазки на портрет Матери-Голубки.

Если бы Бесс или кто-нибудь другой из погружённых в свои дела фей знали, что там наверху находится новорождённый смех, они бы полетели ему на помощь. Каждая из них. Даже вредная фея Видия, даже гордая королева Клэрион.

На самом нижнем этаже Дерева-Дома, на кухне, сутились феи, ничего не подозревавшие о прибывшем смехе. Две феи-поварихи заталкивали в печь огромный противень с жарким, которое звалось «фальшивая черепаха». Двое воробьиных человечков (так иногда величали фей-мужчин) шумно спорили о том, как лучше нарезать картошку. А феи-пекари обсуждали с феями-кондитерами, как им украсить караваи хлеба.

А над ними, наверху, смех старался спуститься, отвоёвывая у пространства дюйм за дюймом. Он пролетел мимо дуба, который был ближайшим соседом Дерева-Дома. Смех даже и не догадывался, что там, под дубом, надев на себя желудёвые шлемы, феи-посудницы собирают жёлуди для сегодняшнего супа. За дубом на скотном дворе четыре феи-доярки усердно доили молочных мышек. Им было невдомёк, что в этот момент над ними пролетает смех.

А в саду, который располагался по другую сторону ручья, именуемого Хавендиш, феи-садоводы срывали с веток ровно двенадцать вишен для двенадцати пирогов. Если бы только они подняли глаза и поглядели наверх!

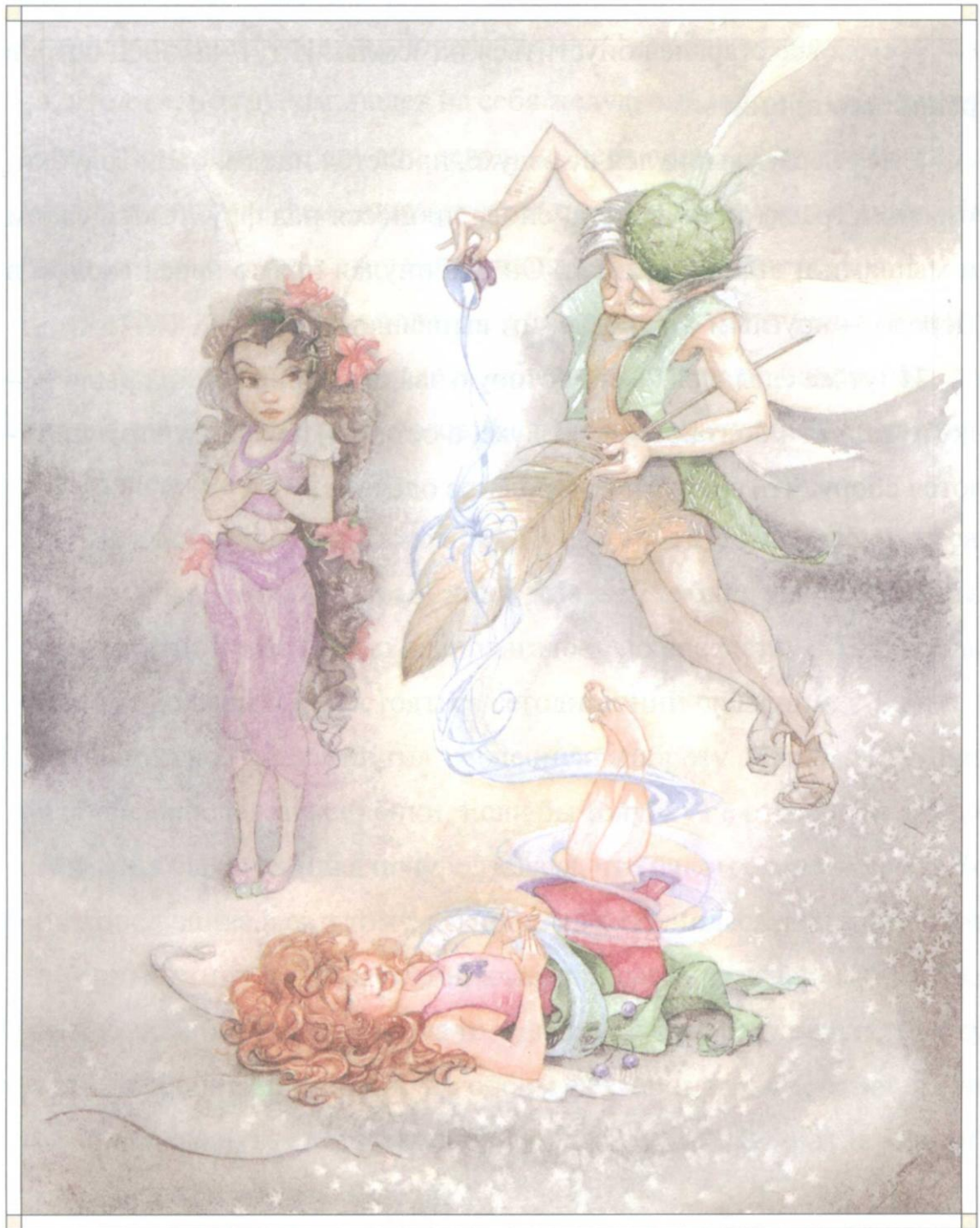
Смех добрался до самого края Приюта Фей. Неподалёку, на самых нижних ветках боярышника, Мать-Голубка, как всегда, высиживала яйцо. Её гнездо располагалось по соседству с Площадью Фей, где должен был состояться сегодняшний праздник.

Возможно, смех ощутил сердечную доброту Матери-Голубки: он собрал последние силёнки. Если бы Голубку не отвлекали другие вещи, она бы наверняка почувствовала, что рядом с нею — смех. Но она прислушивалась к тому, как одна из фей училась декламировать шуточные стихи, которые собиралась прочесть на вечере. К тому же Голубка ещё поглядывала и на то, как другая фея разучивала польку. Она даже собиралась покивать обоим феям в знак одобрения, но не могла шевельнуть головой, потому что Бек как раз в этот момент повязывала ей на шею бантик.

А смех всё старался опуститься на землю. И тут наконец остров решил его принять.

Смех перекувырнулся в воздухе, пролетел над головой Голубки, изменив траекторию полёта, снова пронёсся над фруктовым садом и мышами и стал снижаться. Он шлёпнулся прямо перед входом в Дерево — круглым отверстием от выпавшего сучка.

И тут же сделался феей, которую звали Прилла: одно крыло подогнуто, ноги болтаются в воздухе, а остатки смеха при этом пытаются соорудить вокруг неё дорожное одеяние.

Глава ВТОРАЯ.

Мать-Голубка сразу поняла: на острове появилась Прилла.

— Новая фея явилась к нам, — обратилась она к Бек радостно-возбуждённым голосом. — Замечательно, да?

— Именно так, — откликнулась Бек, надеясь, что новенькая так же, как сама Бек, будет уметь разговаривать со зверями. Это ведь и был, как вы помните, её фейский талант.

Тем временем вокруг Приллы на Площади Фей собралась целая толпа. Фея-вестница полетела к королеве, чтобы сообщить ей о прибытии новенькой. Теренс, воробыный человечек — то есть фея-мужчина, — который отвечал за фейскую пыльцу, осыпал Приллу пылью, распылив над ней целую чашечку.

Как только пыльца коснулась её, по телу Приллы побежали мурашки, и она тут же засветилась. Свечение у фей лимонно-жёлтое, окаймлённое золотым.

Прилла села. Крылышки её расправились и затрепетали. Она наконец осознала, что стала феей! Феей на острове Нетинебудет. Она была совершенно счастлива!

Остальные феи застыли в молчаливом ожидании. Интересно, каким талантом окажется наделена эта пришелица? Каждая из фей надеялась, что именно с ней Прилла разделит свои умения и способности. А надо сказать, что первым делом каждой новой фее как раз и полагалось сделать Заявление насчёт своего таланта.

Но Прилла вместо этого просто облетела площадь, её каштановые волосы развевались по ветру. Как приятно летать! А может, ей даже дано творить чудеса?!

Она подлетела к Дереву-Дому и стряхнула немного пыльцы со своей руки на листочек. Как только она пристально на него посмотрела, он тут же исчез из виду. Она моргнула, и листочек появился снова.

Феи глядели на неё с изумлением. Сроду никто из вновь прибывших не вёл себя так странно. Прилла опустилась на землю прямо рядом с Теренсом и гусеничной пастушкой.

Они оба отпрянули.

— Здравствуйте! — воскликнула Прилла. — Я так рада, что стала феей! Спасибо вам, что вы меня приняли.

У многих фей брови поползли вверх. Она что, вообразила, что они так просто возьмут и примут её в своё общество?

Прилла заметила выражение их лиц и добавила, слегка запинаясь:

— Я... я постараюсь быть хорошей феей. Одна фея сказала:

— Поглядите, да она с веснушками!

— Однако пухленькая и весьма мила, — заметил Теренс. Обычно такие замечания отпускались уже после того, как новая фея сделает Заявление, сообщит, к чему она способна.

— Клянусь, они с каждым годом появляются всё более и более молоденькие, — сказала фея-пастушка, которая пасла гусениц.

Многие согласно закивали.

Вам Прилла вовсе не показалась бы чересчур молоденькой. Она выглядела вполне взрослой и очень даже хорошо сложенной. Но феям было лучше знать. Они заметили, что её носик и нижние части крыльев ещё не успели достичь нужных размеров.

Взрослый неуклюжик мог вообще её не заметить. Ему просто показалось бы, что перед глазами дрожит воздух или что слегка пахнет корицей. Ему могло послышаться, что шелестят листья, но он никогда бы не догадался, что рядом с ним находится фея.

Взрослые неуклюжики не могут видеть фей, но почувствовать их могут. Например, если фея его легонечко ущипнёт, он тут же хлопнет по тому месту ладонью, уверенный, что его укусил комар.

Фея Починка, которую все звали Динь-Динь, подлетела и опустилась рядом с Приллой. Как только она увидела из окошка своей мастерской огонёк новой феи, так тут же бросила поварёшку, которую было собралась залудить, и помчалась к остальным.

Она хотела быть тут как тут, если вдруг выяснится, что новенькая тоже обладает даром паять и лудить прохудившуюся посуду.

Теренс улыбнулся своей самой очаровательной улыбкой, приветствуя Динь. Надо признаться, она ему очень нравилась. Ему нравилось, как изгибаются дугами её брови, в какой хвостик заколоты её волосы на затылке, как ровненько подстрижена её чёлка. Ему даже нравилась её дерзкая, слегка нахальная усмешка.

Динь не обратила на его улыбку ровным счётом никакого внимания. Однажды так случилось, что сердце её оказалось разбито, и она не собиралась рисковать во второй раз.

— Добро пожаловать в Приют Фей, — обратилась она к Прилле. — Как тебя зовут, дитя?

— Прилла, — сказала новенькая и протянула ладошку для рукопожатия.

Динь поколебалась, потом протянула свою.

— А я — Починка, все зовут меня Динь.

— Рада познакомиться, мисс Динь, — отозвалась Прилла. Стоявшие рядом феи переглянулись. Динь нахмурилась.

Прилла покраснела. Она поняла, что сказала что-то не то, а что именно было не то, она никак не могла догадаться.

А дело было вот в чём: феи на острове называли друг друга только по именам. Никаких тебе мисс или мистеров. И только неуклюжики могли сказать что-то вроде «рада познакомиться». А Феи говорили: «С удовольствием с тобой летаю», или ещё короче: «Полечу с тобой».

— Зови меня просто Динь. А какой твой талант? Что ты умеешь? — Динь ждала ответа, затаив дыхание. А Прилла вдруг перестала видеть и слышать, что происходит рядом. Вместо этого она почему-то слышала звуки вальса и голоса неуклюжиков. Она снова оказалась на Большой земле, на плече у девочки-неуклюжика, которая сидела верхом на карусельной деревянной лошадке и кружилась.

Девочка почувствовала, как её щеки что-то коснулось, и подняла руку, чтобы смахнуть то, что она приняла за насекомое.

Прилла отлетела в сторону и поглядела девочке прямо в лицо. А у той челюсть отвисла от удивления.

Как странно! Прилла дважды перекувырнулась в воздухе.

— Так какой у тебя талант? — нетерпеливо повторила свой вопрос Динь.

— Прости, что ты сказала? — улыбка на губах Приллы померкла.

— Тут никто не говорит «прости», — Динь подёргала себя за чёлку и повторила громче: — Я сказала: какой у тебя талант?

— Талант?

— Ну да, — фыркнул Теренс. — Разве не понимаешь?

Фея, которая обычно всем промывала крылышки, спросила:

— Может, она вовсе не из настоящего смеха получилась, а так, кто-то просто хихикнул?

Это иногда случалось. Маленький кусочек смеха оторвётся бывало и направится к острову. Тогда фея получится не совсем полноценной. У некоторых, например, не было мочек ушей, некоторые светились только наполовину. А иные с виду были как и положено, только у них были трудности с речью и они считали, что слово «цыплёнок» рифмуется со словом «матрас». С Приллой всё происходило как раз наоборот. Когда Сара Квёртл первый раз в жизни засмеялась, нечто от самой Сары прилипло к смеху и затем оказалось внутри Приллы. Поэтому Прилла была не только полноценной феей, но даже чуточку больше того.

— Про... м-м-м... извините, что такое талант? — задала вопрос Прилла.

Все феи разом в ужасе затрепетали крылышками.

— И «извините» тут тоже никто не говорит, — сказала Динь. — Талант — это особая способность. У каждого из нас он свой. И мы всегда знаем про свой талант, как только прибываем на остров.

Прилла понятия не имела, к чему она способна. Она быстро-быстро заморгала, чтобы сдержать слёзы.

— Я думаю, у меня нет никакого таланта, — пролепетала она.

Глава ТРЕТЬЯ.

Лёгкий ветерок прошелестел у Приллы в ушах, и на землю опустилась ещё одна фея. Это была Видия, самая быстрая летунья среди фей. Она приземлилась прямо перед Приллой и улыбнулась ей. Прилле эта чересчур сладенькая улыбка не понравилась.

Динь сказала:

— Убирайся отсюда, Видия.

— Полечу с тобой, дорогое дитя, — обратилась Видия к Прилле.

— Р-рада познакомиться.

— А мы не совсем полноценные, да? — пробормотала Видия и наклонилась к Прилле. — Дорогое дитя, если твой талант — способность быстро летать, так я...

— Видия, — оборвала её Динь, пригрозив пожаловаться королеве, — ты бы лучше...

— Динь, дорогая...

Прилле показалось, что эта «дорогая» звучит как издёвка.

— ...ты же не поняла, — продолжала Видия.

Один из воробьиных человечков рванулся вверх.

— Ястреб! — закричал он. — С запада приближается ястреб!

Динь втолкнула Приллу через круглое дверное отверстие внутрь Дерева-Дома. Через мгновение они увидели, как мимо скользнула тень огромной птицы.

— Это был ястреб? — спросила Прилла дрожащим голосом. Динь кивнула.

— Он хотел нас съесть?

— Если б был голодным, так и съел бы.

Ястребы за год убивали по несколько фей, Динь сама пару раз едва спаслась от них.

— Всегда будь начеку, опасайся ястреба, — предупредила она Приллу.

Прилла вздрогнула.

— Если это позволено, я хотела бы поблагодарить воробьиного человечка. Ведь он спас нам жизнь.

Динь подёргала себя за чёлку. Нет, всё-таки с этой Приллой что-то не так. А когда что-то бывало не так, Динь всегда старалась это исправить. Вот почему ей так нравилось починять кастрюльки и сковородки. Но она не знала, как ей «починить» Приллу. Чувство у неё было такое, как бывает, когда чешется там, куда не можешь дотянуться.

— Не надо его благодарить. Он разведчик. Предупреждать — его обязанность.

Прилла озадаченно на неё посмотрела.

— Разведывать — это его талант, — продолжала объяснять Динь. — Спасти нас было для него большим удовольствием.

— Понимаю, — отозвалась Прилла. Но на самом деле она ничего не поняла.

Динь была уверена, что какой-нибудь талант у Приллы обязательно имеется. Просто пока ещё не выяснилось, какой. Она бросила взгляд на её руки. Они были большие, но не очень. Может, она тоже фея-починка? Талант, встречающийся среди фей крайне редко.

И вдруг Прилла опять оказалась на Большой земле. Она очутилась на столе, на котором был накрыт завтрак. Перед ней возвышался пакет молока, на его этикетке было написано «диетический продукт». Возле плиты стоял мужчина и наливал в чашку кофе.

Сидевший за столом мальчишка уплетал булочку. Прилла подлетела прямо к нему, глядя во все глаза на его жующий рот.

— Ой, посмотри-ка! — закричал он. Из рта посыпались крошки. Он потянулся к Прилле, она отскочила от него подальше.

Мальчишка опрокинул пакет с молоком. Она подмигнула ему и исчезла.

Смеясь, она рассказала Динь:

— А я только что видела неуклюжика, который выплюнул чуть ли не полбулки!

Динь подёргала себя за чёлку.

— Какого неуклюжика?

— Ну, такого... — Прилла почувствовала, что опять сказала что-то не то. Неужели Динь никогда не заглядывала на Большую землю?

Конечно же, нет. Большинство фей не имело никаких дел с детишками-неуклюжиками, разве только с Питером Пэном и потерянными мальчишками.

Прилла попыталась переменить тему.

— Мы с тобой внутри Дерева-Дома, да?

— Это холл, — отозвалась Динь, радуясь, что может наконец поговорить о чём-то привычном.

Стены холла были золотисто-коричневого цвета и так отполированы, что в них, как в зеркале, можно было видеть своё отражение. Динь с гордостью заметила:

— Стены полируют каждую неделю, этим занимаются две дюжины фей-полировщиц, потому что полировать — их основной талант.

Прилла подумала: «А вдруг полировать — и мой основной талант?»

Рядом со входом располагалась отделанная латунью комнатка, где регистраторы регистрировали каждую фею и обозначали её талант, номер комнаты и мастерской, если у неё была мастерская.

— Тут запишут и твоё имя, — сказала Динь. — Через часок примерно, когда феи-декораторы закончат отделывать твою комнату, ты узнаешь её номер.

Прилла печально кивнула. Она будет единственной, рядом с чьим именем не будет значиться никакого таланта.

Полы в холле были выстланы жемчужного цвета слюдой, винтовая лестница вела на второй этаж. Ею феи пользовались только тогда, когда крылышки их намокали и они не могли взлететь.

На площадь выходили четыре овальных окна.

— А окна у нас из специального пиратского стекла, — торопливо сообщила Динь. Она дожидаться не могла, когда вернётся в свою мастерскую, к прохудившейся поварёшке.

Вдруг где-то рядом раздался грохот и послышались громкие голоса.

Они доносились из коридора, который располагался как раз над холлом.

Прилла вопросительно посмотрела на Динь. А у той сердце ёкнуло от радости: может быть, там что-нибудь разбилось, и она, Динь, сможет это починить!

— Хочешь взглянуть на нашу кухню? — спросила она.

— А можно? — обрадовалась Прилла. Вдруг там, на кухне, у неё обнаружится какой-нибудь талант?

Динь подумала о том же самом. Возможно, ей удастся оставить Приллу на кухне, а самой вернуться в свою мастерскую. А если и в самом деле какой-нибудь горшок разбился, то она сразу же и выяснит, нет ли у Приллы таланта починять посуду.

— Пошли, — позвала она Приллу

Прилла полетела за ней следом по коридору. Там все стены были увешаны картинками, символизирующими разные фейские таланты. Перышки обозначали талант рассыпать фейскую пыльцу, котелок обозначал способность чинить кухонную утварь,

солнышко указывало на умение всё освещать. Прилла подумала: «А что же обозначает нос и при нём один ус?»

Динь, пролетая, погладила изображение котелка в золочёной рамочке. Затем она свернула в первую же дверь. Прилла последовала за ней и мгновенно уловила запах мускатного ореха. У неё забурчало в животе. Такого с ней ещё не случалось, и она подумала: «Что бы это значило?»

— Это чайная комната, — сказала Динь. — Королева Ри любит эту комнату больше всего.

Ри — было сокращённым именем королевы Клэрион.

— Ты сегодня увидишь королеву на празднике, — продолжала Динь.

Увидеть королеву. Саму королеву! Прилла прямо-таки вся засветилась.

Она оглядела комнату. Та навевала какую-то безмятежность. Краски были приглушены. Стрельчатые окна начинались от самого ковра на полу и тянулись вверх до потолка. Свет проникал внутрь сквозь густую кленовую листву за окнами и через кружевные занавески — такие же бледно-зелёные, как и обои на стенах.

— Тут мило, — заметила Динь, но мне больше нравится, когда комната отделана металлом.

Почти все привыкли пить чай позже. Сейчас всего несколько фей сидели, прихлёбывая напиток из ракушечных чашечек, или ели сэндвичи без корок, положенные на тарелочки из скорлупок моллюсков-перловиц.

Прилла подумала: «Может быть, я смогла бы срезать корки с хлеба для сэндвичей? Уж не особенно большой талант для этого требуется».

Они миновали сервировочный столик, на котором лежали печеньица в форме звёздочек, такие аккуратненькие, ни один лучик не сломан. Прилла с удовольствием попробовала бы такое печенье. Но Динь спешила, и Прилле пришлось поспешить следом.

Динь показала ей столик под серебряной люстрой.

— Я обычно сижу за этим столиком со своими коллегами, обладателями починочного таланта.

— И все так рассаживаются — по одинаковости таланта? Динь кивнула.

— А кто же... — Прилла хотела было спросить, а кто же сидит с тем, у кого никакого таланта нет. Но она и сама догадалась. Никто. Ему приходится сидеть одному.

Глава ЧЕТВЁРТАЯ.

Динь толкнула привешенную на петлях дверь, которая вела на кухню. Прилла даже крылышками взмахнуть забыла: она никогда не видела такого количества фей одновременно.

Феи двадцати пяти талантов трудились возле плиты. Некоторые из этих талантов были как бы половинные. Ну, например, знать, когда блюдо готово, или талант перекладывать приготовленное со сковороды на тарелку.

Феи летали по кухне, трепеща крылышками, и вдруг все застыли на месте, увидев Приллу.

Прилла так смутилась, что её свечение стало ярко-оранжевым.

Все тут же опять занялись своими делами. Динь оглядела кухню, чтобы понять происхождение того грохота, который они с Приллой слышали из холла. Ах, вот в чём дело! На полу в луже горохового супа валялась разбитая фарфоровая супница. Ничего интересного для Динь, привыкшей работать по металлу.

Она окинула взглядом полки, которые тянулись от пола до самого потолка. Ага, вон он, котелок для варки овощей на пару, который она починила на прошлой неделе. А вон и продолговатая форма для кекса, с которой ей пришлось изрядно повозиться. Она знала, что это глупо, но всё-таки не удержалась и приветственно им помахала.

Динь поглядела на Приллу. Если та обладает хоть каким-нибудь кухонным талантом, это тут же отразится на её лице. Она обязательно обрадуется, обязательно начнёт улыбаться. Но у Приллы было какое-то странное выражение лица, и глаза точно остекленели. Динь уже и раньше видела её в подобном состоянии.

А Прилла оказалась на подоконнике спальни маленькой девочки-неуклюжика. На полу в большом количестве была расставлена кукольная мебель. На кукольной кухне за столом восседала огромная кукла, а рядом помещалась другая, маленькая куколка.

Девочка-неуклюжик шарила рукой, что-то нащупывая в бумажном пакете. Прилла подлетела к кукольной плите и взялась за ручку чайника. Она сложила крылышки и постаралась пригасить своё свечение. Интересно, примет ли девочка-неуклюжик её за новую куклу? Внутренне её разбирал смех. Девочка обернулась:

— Я хотела бы... Что?!

— Прилла!

Прилла подскочила в воздухе. Рядом была Динь.

— Что это ты?.. Впрочем, ладно. Так ты не почувствовала в себе никакого таланта?

— Не знаю... Может быть... Динь вздохнула.

— Ты бы знала точно.

Прилла тоже испустила вздох. Ей так хотелось обнаружить в себе хоть какой-нибудь талант!

Дульси, фея, которая здорово умела печь, подлетела к ним, неся в корзиночке воздушные маковые рулетики.

— Попробуйте, — предложила она.

Прилла и Динь попробовали. Эта была первое, чем полакомилась Прилла в жизни. Она осторожненько откусила кусочек. Дульси сказала:

— Ты новенькая? Полечу с тобой. Не слишком ли солёные мои рулетики?

Прилла прикрыла веки. О нет, они не были солёными. Они были замечательные, только слишком быстро таяли во рту. Она откусила ещё кусочек. Наоборот, сладковатые. Душистые. Пахли эстрагоном. Ей очень понравилось. Еда доставляла ей радость.

Радость? Прилла вспомнила, как Динь сказала, что работа доставляла разведчику радость. Глаза её широко раскрылись.

— У меня есть талант! — воскликнула она и сделала сальто в воздухе. — Динь! У меня есть талант. Мой талант — есть рулетики.

Динь подёргала свою чёлочку.

— Никакой это не талант. Всем и каждому нравятся рулетики, которые печёт Дульси.

— Ох... — огорчилась Прилла и подумала: «Интересно, почему это не талант, даже если им обладают все?»

— Значит, это правда? — спросила Дульси у Динь. — Она не знает, в чём её талант?

Приллу снова бросило в краску. «Уж лучше бы я так и оставалась смехом», — думала она.

Глава ПЯТАЯ.

Но тут кто-то позвал с другого конца кухни: — Динь! Это ты? Иди-ка сюда!

Динь полетела на зов. Прилла рванулась за ней и тут же столкнулась с феей, у которой в руках был мешок с мукой из травяных семян. Обе покатались на пол, с ног до головы обсыпавшись мукой.

— Ой, простите! — сказала Прилла.

— Никто не говорит «простите», — пробурчала фея и полетела дальше. Прилла стала отряхиваться, недоумевая, что же они говорят, когда просят прощения. Она снова устремилась вслед за Динь, но замерла на лету. Динь обнималась с какой-то феей, которая стояла в лохани из кокосовой скорлупы и горько плакала. Это была Рени, водяная фея. Они с Динь были хорошими подругами. Три года назад Рени принесла к Динь в ремонт свою кастрюльку, в которой варят яйца без скорлупы, и потом так горячо хвалила искусство починки феи Динь, что завоевала её сердце.

— Вся моя обмазка потрескалась! — рыдала Рени. Прилла подлетела к Динь и зависла в воздухе рядом с ней.

— Что... — начала было спрашивать Динь.

— ...потрескалось? — договорила за неё Рени.

— Да нет, я не об этом. Что ты сотворила со своими крыльями?

Прилла пригляделась. Казалось, что крылья Рени были покрыты какой-то высохшей чешуйчатой замазкой.

— Это яйцо. Я хотела сделать мои крылья водостойкими, — всхлипнула Рени, высморкавшись в носовой листочек. — А теперь мне надо всё это смывать, мои крылья намокнут, и я сегодня вечером не смогу летать.

Рени всегда страстно мечтала поплавать. Но феи не могут плавать, вы же знаете. Их крылья намокают и тянут их под воду. И вот она уговорила одну из фей-пекарей покрыть её крылья массой из взбитых яиц. Она надеялась, что яйца, высохнув, предохранят её крылья от воды.

И вот, когда яичная обмазка высохла, Рени залезла в кокосовую лохань и обмакнула крылья в воду. Сначала казалось, что всё получилось. Но потом, как только она стала шевелить крыльями, всё это яичное снадобье полопалось.

— Хорошо хоть, не пришлось воспользоваться... — начала было Динь.

— ...спасательным кругом, — закончила за неё Рени, и при этом так бурно рассмеялась, что слёзы опять брызнули у неё из глаз. Благодаря своему водяному таланту, Рени очень легко начинала лить слёзы, очень легко покрывалась потом, и из носа у неё лило тоже довольно часто. Как она сама говорила, вода в ней булькала, как сок в арбузе.

Она сказала:

— Больше я уже никогда не буду пробовать плавать, хоть с кругом, хоть без.

Динь улыбнулась. Прилла до сих пор ни разу не видела, как та улыбается. А у неё, оказывается, были ямочки на щеках! И когда она улыбалась, то сразу становилось ясно, что её не следует опасаться и говорить с ней можно о чём хочешь.

— Но ты попробуешь, наверное...

— ...что-нибудь другое, — опять закончила фразу Рени. И улыбнулась в ответ. Тут она заметила Приллу. — Ты новенькая, да? Как хорошо, что ты прибыла как раз на праздник. — Про себя она подумала: «Почему это она выглядит такой печальной?» — Меня зовут Рени, — продолжала она. — Полечу с тобой. Все так рады тебе, честное слово!

Прилла подумала: «Вовсе никто мне здесь нисколько не рад».

— Полечу с тобой. Я — Прилла, — сказала она вслух. Рени вылезла из кокосовой лохани.

— Я обладаю самым худшим талантом, Прилла, — сказала она. — Надеюсь, ты не водяная фея?

Прилла пожала плечами. Она хотела, чтобы судьба наградила её любым талантом, пусть даже водяным.

Рени вопросительно посмотрела на Динь. Улыбка на личике Динь моментально увяла.

— Она не знает, какой у неё талант.

— Правда, что ли? — удивилась Рени, а потом обратилась к Прилле: — Тебе повезло, ты можешь всё сама попробовать, тогда и узнаешь.

Прилла подумала, что ей ни капельки не повезло. Что, если она примерится ко всем талантам и увидит, что не обладает ни одним из них?

— Давай для начала поглядим, нет ли у тебя водяного таланта, — предложила Рени.
— Подойди поближе.

Прилла опустила руку на землю и приблизилась к лохани с водой. «Если б только... Если б только я могла оказаться обладательницей хотя бы водяного таланта!» — думала она.

— Теперь смотри, — велела ей Рени.

Она смахнула с руки немного фейской пыльцы в лохань. Потом наклонилась к воде и зачерпнула полную горсть. Вода не стала течь у неё между пальцев. Вместо этого она улеглась в её ладони круглым мячиком. Свободной рукой Рени начала мять и тянуть водяной мячик, пока он не приобрёл форму рыбки с открытым ртом. Она провела пальцами над рыбкой, и у той всеми цветами радуги заблестела чешуя. У Приллы аж дух захватило. Динь снова заулыбалась.

— Всё это требует практики, — заметила Рени. Она снова превратила водяную рыбку в мячик и бросила его в кокосовую лохань. Вода так и сохранила форму шара. Рени подняла руку, и мячик подскочил ей навстречу. Она несколько раз взмахнула ладошкой, а мячик то подпрыгивал, то снова падал в воду.

Прилле захотелось покувыркаться в воздухе от восторга.

Рени тем временем подбросила мячик в воздух и поймала его. И ещё раз. И ещё. Но потом она убрала руку, и мячик, упав, покатился по полу и остановился возле Приллы, у самых её ног. Прилла отступила на шаг.

— Попробуй поднять его, — скомандовала Рени. — Тебе это удастся, если у тебя есть водяной талант.

Руки у Приллы задрожали.

— Пожалуйста, пожалуйста, позволь мне иметь водяной талант! — молила она, сама не зная кого. Потом наклонилась и дотронулась до мяча.

Глава ШЕСТАЯ.

Водяной мячик растёкся лужицей, как только Прилла прикоснулась к нему. Она подняла взгляд на Рени. Глаза её наполнились слезами. Рени протянула руку, лужа моментально перетекла в её ладонь. Фея стряхнула воду в лохань, при этом на полу не осталось ни капельки. Она и сама прослезилась. А Динь впала в раздражение. Надо было решать, что делать дальше. И вдруг Рени просияла.

— Динь, а ты уже познакомила Приллу с Матерью-Голубкой?

— Нет.

Прилла знала, кто такая Мать-Голубка. Ни одной фее на острове не надо было это объяснять. Каждая фея просто знала про неё, и всё.

— О, Динь, она наверняка сумеет догадаться, какой у Приллы талант!

Мать-Голубка понимала фей даже лучше, чем они понимали себя сами.

— Прилла! — воскликнула Рени. — Я просто сгораю от нетерпения — так я хочу, чтобы ты встретилась с Матерью-Голубкой!

— Отправимся к ней прямо сейчас, — сказала Динь.

Прилла заметила, что на лице у Динь снова появилась улыбка. Прилла и Динь вылетели через заднюю дверь кухни.

Снаружи дул сильный ветер. Он гонял остров туда и сюда по волнам.

Прилла летела и на лету тревожилась: а вдруг она не понравится Матери-Голубке? Она ведь первая и единственная из фей, которая не знает своего таланта, а может быть, и вообще единственная, которая никаким талантом не обладает. Может, она станет первой феей, которую Мать-Голубка не полюбит? А вдруг она и вовсе её возненавидит?

Прилла слетала на Большую землю, на пляж, подпорхнула к мальчику-неуклюжику, который зачем-то засыпал песком своего плюшевого мишку, ущипнула его за ухо, и продолжила полёт вслед за Динь.

Динь гордилась тем, что именно она познакомит Мать-Голубку с Приллой. На Большой земле у фей были волшебные палочки. Некоторые даже умели с их помощью творить чудеса. А у фей на острове Нетинебудет была Мать-Голубка, и Динь ни за что на свете не согласилась бы с поменяться местами с земными феями.

Через полчаса полёта против ветра Прилла и Динь наконец добрались до боярышника, на котором располагалось гнездо Матери-Голубки. Динь зависла над гнездом, давая Прилле первой взглянуть на Голубку. Это было очень мило с её стороны. Ей хотелось, чтобы Прилла освоилась, чтобы она не слишком волновалась и запомнила происходящее в мельчайших подробностях (как известно, если сильно волнуешься, то потом ничего не можешь вспомнить толком). Что вот, мол, сначала Голубка на меня посмотрела, а потом наши глаза встретились, а после она со мной заговорила...

И Мать-Голубка поняла её замысел. Она, конечно же, сразу почувствовала, что эти две феи прибыли к ней. Но не сразу подняла взгляд, тоже давая Прилле освоиться. А что почувствовала Прилла? Что вообще чувствовала любая фея, увидевшая Мать-Голубку в первый раз?

Представьте себе домик. У вашего воображаемого домика может оказаться черепичная крыша. А у моего — дверь, покрашенная голубой краской, с латунной ручкой. У вашего домика могут быть светло-серые стены с розовым бордюриком. Перед домом на лужайке могут цвести маргаритки. И всё вокруг может быть залито золотистым светом.

Если бы вы вдруг увидели такой домик наяву, то сразу бы поняли, что мечтали о нём всю жизнь. Хотя за мгновение до того вы об этом и не догадывались.

Вот что чувствовали феи, встретившись с Голубкой. Она значила для них больше, чем Дерево-Дом, больше, чем Приют Фей, она как бы и была их прибежищем, их пристанищем, их домом.

Прилла облегчённо вздохнула.

Динь направилась к гнезду. Прилла следом. «Мать-Голубка, полюби меня, — думала она. — Пожалуйста, Мать-Голубка, полюби меня. Пожалуйста, догадайся, в чём мой талант. Пожалуйста. Пожалуйста!»

Динь опустилась на краешек гнезда. Прилла побоялась последовать её примеру. Она задержалась в воздухе на некотором отдалении.

Мать-Голубка улыбнулась. Глаза её весело глядели на Приллу. Она что-то нежно проворковала. Прилла показалась ей очень миленькой, весёлой и ладненькой.

Прилла радостно улыбнулась в ответ.

Бек, фея, которая прислуживала Матери-Голубке и умела понимать зверей, тоже улыбнулась.

— Ты ведь Прилла, не правда ли? — сказала Мать-Голубка. — Прилла, — повторила она, раскатисто произнеся «р» и протянув

— Ты прибыла туда, где тебе и следует быть, Прилла. Я тебе несказанно рада.

Глава СЕДЬМАЯ.

— Спасибо, — сказала Прилла с облегчением. Мать-Голубка любит её! Прилле захотелось обнять её, зарыться в её мягкие перышки и так замереть — в покое и безопасности. Мать-Голубка почувствовала, что Прилла может вдруг на мгновение переноситься на Большую землю. Заметила такую её некоторую особенность, такую странность.

— Тебе не так уж легко пришлось здесь в первое время, не правда ли?

Прилла кивнула, впервые ощутив, что её понимают. Мать-Голубка склонила голову набок. Она не умела видеть будущее во всех подробностях, но кое-что всё-таки могла уловить.

— Боюсь, что тебе ещё предстоят трудные времена, — сказала она. — Тебе придётся внутренне собраться.

Прилла снова кивнула. Мать-Голубка смотрела на неё с таким сочувствием, что фея решила: ей нетрудно будет «внутренне собраться». Она перекувырнулась в воздухе и сказала:

— Я смогу.

Это понравилось Голубке, и она предложила:

— Хочешь посмотреть на моё яйцо?

Бек удивилась. Мать-Голубка далеко не каждой вновь прибывшей фее разрешала посмотреть на яйцо.

— А можно? — обрадовалась Прилла. Мать-Голубка привстала на одну лапку.

— Я никогда не вылезаю из гнезда целиком, — пояснила она. Прилла увидела бледно-голубое яйцо. Оно было размером больше обычного голубиного и отливало жемчугом.

— Очень красивое, — вежливо отозвалась Прилла. Она не видела в яйце ничего особенного. Но на самом деле оно было особенным. Именно благодаря этому яйцу все звери и все неуклюжики на острове никогда не выросли. Благодаря этому яйцу остров и был островом Нетинебудет.

— Спасибо, — проворковала Мать-Голубка. — Знаешь, Бек, — продолжала она, — мне кажется, что Прилла голодна. — Ей как раз нравилось, когда новенькая фея бывала голодной. — У нас ещё осталось что-нибудь от мускатного пирога?

Бек открыла корзиночку и отрезала кусочек пирога. Она положила его на тарелочку и поставила её перед Голубкой. Мать-Голубка отщипнула от пирога чуть-чуть и протянула его Прилле в своём клюве. Прилла взяла кусочек из клюва. Конечно, Бек могла

бы дать ей вилку, и Прилла могла бы поесть самостоятельно. Но так было вкуснее. Пирог был сладким. Но слаще всего была любовь Матери-Голубки.

Кусочек за кусочком Мать-Голубка скормила Прилле всю порцию пирога.

Динь прикрыла глаза, вспоминая, что Мать-Голубка сказала ей при первой встрече: «Ты фея Починка, и всё, что ты будешь чинить, будет звенеть: „Динь-динь“. Ты и сама блестяешь, как новенькая кастрюлечка. Ты сильная и мужественная. Подобной феи уже давно не появлялось на нашем острове». Потом она её покормила. И Динь поняла, что Мать-Голубка полюбила её. Она и до сих пор её любит. У Динь в этом не было никаких сомнений.

— Мать-Голубка, ты знаешь, какой у Приллы талант? — спросила Динь, очнувшись от своей задумчивости. Она помолчала минутку и потом, набравшись решимости, добавила: — Может, она не стопроцентная фея?

Прилла изумилась. Так Динь считает, что она, Прилла, не стопроцентная?

— В этом не было бы ничего ужасного, — ответила Голубка с некоторой жёсткостью в голосе.

— Я не стопроцентная? — испуганно переспросила Прилла.

— Это не так, — ответила Голубка. — Прилла полноценная фея.

Прилла подумала: «Но в чём же мой талант? Скажи, Мать-Голубка. Скажи».

Мать-Голубка снова склонила голову набок. Она почувствовала, что в Прилле есть нечто особенное, чего ещё не случалось на острове Нетинебудет.

— У тебя есть талант, дитя моё, только я ещё не поняла, в чём он заключается.

— Я когда-нибудь это узнаю?

Мать-Голубка улыбнулась.

— Надеюсь, что узнаешь.

«Она надеется, — подумала Прилла. — Только лишь надеется? А вдруг она ошибается?»

— Может, Прилла одарена пониманием зверей? — выразила надежду Бек. — Нам так надо, чтобы кто-то помог с бурундуками. Они такие большие и порой за ними нужен пригляд. Тебе нравятся бурундуки, Прилла?

Прилла кивнула. Она и сама не знала, нравятся ли ей бурундуки, но она жаждала обнаружить в себе хоть какой-нибудь талант. Если б у неё обнаружился талант, как у Бека, возможно, она могла бы заменять её при Матери-Голубке, когда Бек была занята чем-то другим.

— Нет, Бек, — сказала Мать-Голубка. — У неё твоего таланта нет. Иначе она сумела бы постучаться в дверь к моим мыслям.

Прилла попробовала постучаться. Но у неё ничего не вышло.

— Каждый талант прекрасен, Прилла, — сказала Мать-Голубка. — Когда ты обнаружишь свой, ты это обязательно поймёшь. Хочешь посмотреть, что умеет делать Бек?

— Да, конечно.

Прилле разбирало любопытство, хотя она боялась, что станет отчаянно завидовать Бек.

Динь взорвалась:

— Мне некогда! Мне надо чинить поварёшку!

Право же, она никогда ещё не теряла столько времени попусту. Разве что тогда, с Питером.

Мать-Голубка согласно кивнула и произнесла:

— Да, дорогая.

Динь знала, что это значит. А значило это вот что: «Успокойся. Подождёт твоя поварёшка».

Бек стряхнула крупинку пыльцы на маленьких комариков, пролетающих мимо гнезда. Она поманила одного из них — комарик тут же подлетел и уселся ей на палец.

— Ой! — отшатнулась Прилла.

— Комарики любят поиграть, — сказала Бек. — Погляди. Хоп. Хлоп.

На «хоп» комарик подлетел. На «хлоп» опустился на палец. Хоп. Хлоп. Вверх. Вниз. Хоп-хлоп. Хоп-хлоп. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Бек подавала команды всё быстрее и быстрее. И комарик подлетал и опускался всё быстрее и быстрее. Прилла поймала себя на том, что кивает головой в такт. Динь продолжала думать о своей поварёшке. Бек командовала так быстро, что её «хопхлоп» слились в одно слово. Комарик остановился.

— Спасибо тебе, — сказала ему Бек и указала пальцем на Приллу. Комарик тут же уселся ей на нос. Прилла окаменела от страха. Она скосила глаза, чтобы его рассмотреть. Новенькая фея ждала, пока он улетит, смахнуть его со своего носа она не решалась. Он пополз по её носу вверх, потом вниз.

— Спасибо, — сказала Бек. — Довольно.

Комарик улетел. Прилла поняла, что она нисколько не завидует Бек.

«Ну, ни капельки, ни комариного носочка не завидую», — подумала она.

— Теперь ты можешь отправляться к своей поварёшке, Динь, — сказала Мать-Голубка. — Покажи Прилле свою мастерскую.

— Полетишь со мной? — спросила Динь. Ей-то самой желательно было бы отделаться от Приллы. Правда, вот если бы Прилла тоже оказалась феей-починкой...

Прилла кивнула, хотя в душе ей больше хотелось остаться с Матерью - Голубкой.

— Прилла может оказаться починкой, — сказала Мать-Голубка. — Это не наверняка, но и не исключено.

— Вперёд, Прилла! — скомандовала Динь.

Ветер усилился. Лететь в сторону Дерева-Дома было трудно. Когда они всё-таки добрались до места, Динь направилась на второй этаж и толкнула дверь под стальным козырьком.

— Это здесь, — сказала она. Динь всегда испытывала некоторое смущение, когда кто-нибудь впервые посещал её мастерскую.

Но Прилла ничего не видела. Она очутилась на Большой земле, в игрушечной лавке, на рельсах заводной железной дороги. Издали раздался гудок локомотива. Прилла взлетела в воздух. Мимо прогрохотал поезд. Из паровозной трубы клубами валил дым.

— Смотри-ка! — воскликнула девочка-неуклюжик. — Маленькая фея!

Прилла полетела назад, помахав девочке на прощание. Клубы дыма почти совсем её скрыли.

— Осторожнее! — крикнула Динь.

Глава ВОСЬМАЯ.

Прилла с размаху налетела на висевшую на гвозде корзиночку. Корзиночка качнулась и начала отчаянно плевать металлическими заклёпками. Динь кинулась подбирать их с полу. Она так рассердилась, что даже не могла ругаться. Она решила, что Прилла такая же неуклюжая, как любой неуклюжик.

— Прости!

— Никто не говорит «прости». — Динь стала сгребать заклёпки в корзиночку.

Прилла тоже торопливо начала их подбирать. Паркет был выкрашен белым, так что на нём заклёпки были отчётливо видны. Она оглядела помещение. Ой! Она в изумлении шлёпнулась на пол, забыв про заклёпки. Ой-ой-ой! И стены, и потолок мастерской были из сверкающей стали. Комната была без углов, круглой, а потолок — в виде купола.

— Я — что? Я... попала... Возможно ли?

Динь позабавило её удивление.

Прилла, заметив, что Динь больше не сердится, насмелилась спросить:

— Мы что, находимся внутри какого-то котелка? У Динь опять появились ямочки на щеках.

— Это был неуклюжий чайник. Я нашла его на берегу.

А дальше было так: Динь выправила его вмятины молоточком и отполировала его изнутри и снаружи. Потом, употребив огромное количество фейской пылицы и прислушавшись к советам Матери-Голубки, которые касались волшебства, она сжала его, просунула в Дерево-Дом, а потом снова расправила. Она повернула чайник носиком вниз, чтобы получился навес над входной дверью, а затем прорезала саму дверь и окошки.

— Мы внутри чайника? — изумлялась Прилла. — Внутри чайника, да? Ой, до чего же ты талантливая, Динь!

— Спасибо, — отозвалась Динь. И, не удержавшись, добавила: — Это единственная внутричайниковая мастерская на всём острове.

— А можно мне посмотреть на что-нибудь, что ты уже починила? Динь подлетела к столику возле двери. На нём лежали вещи, которые хозяева ещё не забрали из починки. Она взяла сковороду и стряхнула на неё немножко пылицы, чтоб сковорода казалась полегче.

— Я вчера закончила работу. От неё откололся кусочек.

— Я вижу, — сказала Прилла, поведив пальчиком по выступающему шву. Она подумала, что Динь не столь уж и искусна, раз шов выступает так заметно.

Динь вдруг разобрал смех.

— Да ведь это же... — Она так хохотала, что даже не смогла закончить фразу. — Да ведь это же... — Время шло, а Динь всё смеялась и смеялась без остановки.

Прилла никак не могла взять в толк, что же во всём этом смешного.

Наконец Динь успокоилась.

— Это же шутка, — сказала она. — Сломано было совсем в другом месте. Я сделала фальшивый шов, просто чтобы над всеми подшутить.

Прилла почувствовала себя неловко. Динь посерьёзнела.

— Попробуй обнаружить то место, где на самом деле было сломано, — предложила она.

Если Прилла найдёт, то в этой мастерской она и останется. Свечение у Приллы задрожало от возбуждения. Она взяла сковороду и стала её ощупывать.

— Ммм... — Она поднесла сковороду к самому носу. Нет, она ничего не могла заметить. Кроме того фальшивого шва, сковорода была совершенно гладкой. Она перевернула её. На обратной стороне возле ручки было оттиснуто личное клеймо феи Динь-Динь: на красной эмали был изображён крошечный чайничек. Из носика у него шёл пар. Рядом стояла буква Д. Прилла ничего кроме этого клейма не увидела. Она поняла, что провалилась. Динь и с самого начала не очень-то её любила, а теперь, видно, совсем разлюбит.

— Я ничего не могу разглядеть, — призналась она.

Но Динь и сама огорчилась. Какой у Приллы талант — продолжало оставаться загадкой. Значит, в мастерской у Динь не будет новой помощницы. А поварёшка всё ещё оставалась непочиненной...

— Вот где на самом деле было сломано, — сказала Динь. Она ткнула пальцем в то место, где решительно не было заметно никакого шва. — Давай, я покажу тебе, над чем я сейчас работаю.

Прилла улыбнулась через силу.

Динь направилась к своему рабочему столу, на котором грудой были навалены сковородки и кастрюльки. Она взяла в руки лежавшую сверху поварёшку.

— Вот, видишь. Она испорчена. Протекает.

Поварёшка была сделана из местного олова, дымчато-голубого, какое встречается только на острове Нетинебудет.

— Она протекает не всегда, — сказала Динь. — Но когда течёт, то из дырки вытекает только тутовый сок, всё равно, черпаешь ли ты суп, или, скажем, компот. Такой вот странный случай. На сегодняшнем празднике поварёшка обязательно понадобится. И если её не починить, она как пить дать устроит свои фокусы с тутовым соком. А я пока ещё не смогла обнаружить, где в ней дырка. То ли её проткнули булавкой, то ли ещё что.

Динь присела на табуретку и стала старательно водить рукой по черпаку.

Динь словно совсем позабыла про свою гостью. Она вовсе не хотела показаться невежливой. Ей сейчас просто было не до Приллы.

Прилла полетала по мастерской, чувствуя себя лишней. Прошло минут десять. Динь брала в руки то какой-нибудь пузырёк, то баночку, подбирая нужный клей, смешивая что-то в мисочке.

Прилла направилась к двери. Что ей было тут делать? Её талант — если она вообще им обладала — должен проявиться не здесь. Надо было заняться поисками. У выхода она оглянулась. Динь сидела, низко склонив голову над работой.

Прилла сказала шёпотом, так, что Динь даже не услышала её:

— Я покидаю тебя. Спасибо, что показала мне свою мастерскую. До свидания.

Она толкнула дверь и выскользнула наружу.

Глава ДЕВЯТАЯ.

Возле выхода из Дерева-Дома Прилла обнаружила несколько дюжин фей. Они раскачивались на ветках или парили в воздухе, ожидая её. Всех уже облетел слух, что новенькая не знает, каким она обладает талантом. Кто-то сразу же прокричал:

— Как ты думаешь, не захочешь ли ты пасти гусениц? А ещё кто-то спросил:

— Не кажется ли тебе интересным сушить грибы-поганки? Прилла узнала среди собравшихся Теренса, того, кто заведовал пыльцой, и ещё одно лицо показалось ей знакомым — может быть, из тех, что пили чай в чайной комнате или находились на кухне. Одна из фей поинтересовалась:

— А не понравится ли тебе мыть крылышки? И ещё одна:

— Давай ты будешь ткать полотна из стеблей травы!

Тут они вообще все затараторили хором и подняли страшный галдёж:

— А раскладывать песчинки по сортам?

— Петь по-сверчиному?

— Молоть муку из древесной коры? Прилла в испуге прижалась к двери.

И... оказалась на Большой земле, в супермаркете, привязанная резинкой к упаковке брокколи. Мальчик-неуклюжик протянул руку и предложил:

— Мама, а не взять ли нам брокколи?

— Брокколи? — переспросила мама. — Хорошо. — И взяла упаковку, которая была рядом с Приллой.

— Не эту, — сказал мальчик. — Вон ту.

— Ты хочешь меня съесть? — засмеялась Прилла.

В этот момент какая-то фея толкнула её. Прилла вздрогнула.

— Прекратите толкаться, — строго потребовал Теренс. — Вы же её пугаете. — Он улыбнулся Прилле обаятельной улыбкой, которую Динь не желала замечать. — Меня зовут Теренс... Давай проверим, может быть, ты...

— А почему ты первый? — перебил чей-то голос из толпы.

— Потому что, если Прилла вдруг окажется пыльцовой феей, ей надо срочно готовиться к празднику.

Это их убедило. Праздник действительно был на носу. Теренс весь светился. Фейская пыльца пристала к его одеянию из дубовых листьев и делала его свечение ещё ярче.

— Послушай, Прилла, не хотела бы ты посетить мельницу и решить, не пыльцовая ли ты фея?

Прилла согласно кивнула, хоть и подумала, что, вероятно, на это нет никакой надежды.

Они полетели рядом. Теренс спросил, перебивая шум ветра:

— Динь не упоминала меня в разговоре?

— Нет, — крикнула Прилла в ответ.

— Ну что ж, — вздохнул Теренс.

Прилла уловила нотки разочарования в его голосе. «Ему нравится Динь», — подумала она. И добавила:

— Она вообще никого не упоминала.

— Вот как...

Дальше они летели молча. Прилла думала: «Интересно, а чем занимаются пыльцовые феи?» Если просто осыпают друг друга пылью каждый день, то это и она сможет проделывать. Она даже не возражала против того, чтобы вставать по утрам рано-рано.

Теренс начал снижаться. Скоро они приземлились на берегу ручья Хавендиш.

— Мельница там, за вторым поворотом, — сказал Теренс. — Но... сперва скажи мне, что делает пыльца?

Прилла получила это знание, как только сделалась феей.

— Она помогает нам летать. Без пыли мы можем пролететь только чуть-чуть, а с ней — любое расстояние. Она вообще всё приводит в движение. Например, мельницу. С её помощью летают воздушные шары. — Она улыбнулась, чувствуя себя отличницей.

— А ты знаешь, откуда она берётся? Прилла на минуточку задумалась.

— От Матери-Голубки! Когда её перья выпадут, мы их смалываем в пыльцу. Пыльца — это мохнатые перья. Вот почему у нас сегодня праздник. Мать-Голубка приготовилась сбрасывать перья. Она ведь каждый год линяет, верно? — спросила она.

— Верно, — подтвердил Теренс. — И что мы должны делать?

— Мы?

— Мы, пыльцовые феи.

Прилла вся засветилась. Неужели Теренс думает, что она может оказаться одной из них? Одной из этих «мы»?

— Они... мы осыпаем пылью фей каждый день.

— А что ещё?

Прилла судорожно соображала. Ей так хотелось, чтобы это «мы» никуда не исчезло.

— Мы откладываем часть пыльцы для Питера Пэна и потерянных мальчишек. Что же ещё? Что ещё? Хм... Мы собираем перья Матери-Голубки после линьки и размалываем их. — Прилла мысленно представила себе Мать-Голубку. — Мы сортируем перья. На те, что с крыльев, те, что со спины, что с шеи, а что с живота.

Теренс кивал головой. У него появилась надежда.

— Ну, а что ещё?

Прилла безумно напряглась.

— Мы стараемся, чтобы ни пылинки не пропало. И ещё заботимся о том, чтобы пыльца не намокла. Мы складываем пыльцу... складываем... во что-то очень большое... Я не знаю, что это...

Теренс улыбнулся.

— Очень хорошо, — похвалил он Приллу. И подумал, что она сумела ответить лучше, чем многие новенькие феи. — Мы складываем пыльцу в канистры из сушёных тыкв. А теперь я покажу тебе мельницу.

И он полетел. Прилла тут же рванулась следом.

Но он снова опустился вниз. Она приземлилась с ним рядом.

— Опасайся Видии, — сказал Теренс. — За ней надо следить.

— Видии? — переспросила она.

— Ты встретишься с ней возле Дерева-Дома, когда только появилась. Она зовёт всех «миленькими» и «душеньками».

Прилла вспомнила.

— Она дразнила Динь. А почему за ней надо следить?

— Она не раз воровала пыльцу. Она даже причинила боль Матери-Голубке. — Теренс не любил говорить плохо о ком бы то ни было. Но в этом случае он просто обязан был предупредить Приллу. — Она выдёргивала её перья, когда линька ещё не наступила. А это очень больно.

— А зачем она это делала? — поразились Прилла.

— Чтобы быстрее летать. Считается, что живые перья, до линьки, помогают летать быстрее. А быстрый полёт как раз и есть её талант.

Прилла подумала, что она никогда не причинила бы боли никому на свете ради своего таланта (конечно, если бы он у неё обнаружился).

— Она успела выдрать десять перьев, прежде чем разведчик поймал её, — добавил Теренс. — Королева Ри запретила ей приближаться к Матери-Голубке. — Он похлопал крылышками, довольный, что покончил с этим неприятным разговором про Видию. — Ну что, летим на мельницу? Ты готова?

Прилла взлетела за ним следом, но он снова опустился. Конечно, она приземлилась неподалёку.

— Послушай, — сказал Теренс, — у меня есть сковорода. Я мог бы сделать на ней вмятину и отнести к Динь для починки. Как ты думаешь?..

— Не надо вмятины, — перебила его Прилла. — Лучше проверти в ней дырку или расплющи её. Чем хуже сковорода будет выглядеть, тем больше это понравится Динь.

— Да, я последую твоему совету, — отозвался Теренс. Он поднялся в воздух и на этот раз продолжил полёт.

Мельница, построенная из скреплённых известковым раствором персиковых косточек, соединяла оба берега ручья Хавендиш. Отпирая ключом двойные двери мельницы, Теренс сказал:

— Если ты окажешься одной из нас, то будешь проводить здесь много времени.

Внутри было спокойно и тихо. Свет проникал через маленькие окошки под самой крышей. Прилла оглядела мельничное оборудование: жернова, колесо, воронку, и в стороне — не меньше дюжины тыквенных канистр.

Она не испытала особой радости, как полагалось бы, будь у неё пыльцовый талант. Однако она подумала, что, возможно, это потому, что ей пока ничего ещё не пришлось на мельнице сделать. Она указала на жернова.

— Они бы легко расплющили твою сковородку.

— Как?! Положить сковородку туда, куда кладут перья Матери-Голубки?!

Теренс пришёл в ужас. Прилла поняла, что сморозила глупость.

— Я пошутила, — сказала она.

— Да?

Теренсу эта шутка вовсе не показалась остроумной. Он опустился на краешек сушёной тыквы и сказал:

— Смотри, Прилла. Это вся пыльца, что осталась.

Прилла заглянула внутрь. Слой пыльцы в канистре был всего в три дюйма толщиной. Она легонько поблёскивала.

— Она такая... такая... такая... — Прилла чихнула. Потом ещё — пять раз подряд.

Счастье, что она не подлетела слишком близко и пыльца от её чихов не разлетелась. Теренс нахмурился. Прилла сразу всё поняла. Ты не можешь быть пыльцовой феей, если чихаешь всего от горстки пыльцы.

Глава ДЕСЯТАЯ.

На обратном пути к Дереву-Дому Прилле пришлось придерживать руками своё одеяние, чтобы его не растрепал ветер. Ох, как велико было её разочарование! С каждым новым неуспехом в горле всё разрастался какой-то удушливый ком.

Теренс попрощался с ней в холле, сказав, что празднество начнётся примерно через час. Прилла слабенько улыбнулась, и он улетел.

Она не знала, что же ей дальше делать. Она могла бы отправиться к Динь, только той она была совсем не нужна. Ей хотелось разыскать Рени, водяную фею, но где та находится, Прилле не было известно. Она решила поскорее покинуть холл, пока не появился ещё кто-нибудь и не попросил её провериться ещё на какой-нибудь талант, которого у неё опять не окажется. Она не знала, готова ли её комната, и поглядела на висевший на стене список. Её имя там уже числилось!

Прилла Комната 7 II, ветка ССЗ

Точки стояли там, где должен был значиться её талант. Она полетела вверх вдоль винтовой лестницы. Лестница доходила только до второго этажа, а дальше в потолке были проделаны отверстия, и в них были вставлены стремянки, чтобы феи могли подняться к себе в комнату, если у них вдруг намокнут крылышки. На седьмом этаже она полетела по стрелке, указывавшей на северо-запад, а потом свернула в первую же развилку на северо-северо-запад. Вот что обозначали буквы ССЗ.

Прилла добралась до своей двери. Коридор в этом месте был совсем невысокий, потолок нависал прямо у неё над головой. Она вошла в комнату. Не лучшую в доме. Дверца в коре дерева, которая вела наружу, была полностью загорожена густой листвой, а окошко смотрело прямо на сук.

Феи-декораторы совершенно растерялись и не представляли себе, как им украсить комнату Приллы. Ведь каждая комната имела убранство в соответствии с талантом обитательницы. В комнате Динь кровать была похожа на форму для выпечки хлеба. Абажуры её лампочек походили на дуршлаг. А картина на стене представляла собой натюрморт из котелка, сбивалки и сковороды с ручкой. А у Рени в потолке была дырочка, через которую капала вода — и прямо в маленький тазик, где плавала минога.

А вот как декорировать комнату Приллы, феи-декораторы не имели ни малейшего понятия. Поэтому всё в комнате получилось каким-то невыразительным и будничным. Покрывало на кровати было из сложенной втрое паутины. Ночной столик был высушенной поганкой, инкрустированной геометрическим узором из ракушек. В общем — самая заурядная фейская обстановка.

Но Прилла не обратила на это внимания. Её взоры приковали к себе лежавшие на кровати наряды и стоявшая на полу обувь.

Она было рванулась посмотреть, но ветер так качнул Дерево-Дом, что она отлетела обратно к двери.

Потом ветер стих, и она, подойдя к кровати, стала перебирать одно за другим лежавшие на ней одеяния. Она прижимала мягкую ткань платьев к щеке или прикладывала их к своей фигурке и любовалась ими. По крайней мере, хоть одна фея позаботилась о ней и приготовила для неё эти прекрасные вещи.

Сначала она примерила широкое лиловое платье. Оно было с короткими рукавчиками, перламутровыми пуговичками и фестончиками по подолу.

Прилла вдруг оказалась в комнате у девочки-неуклюжика. Девочка как раз попыталась надеть на неё похожее платьице, только по подолу шли гофрированные складочки, а не фестончики.

Ей никак не удавалось просунуть крылышки Приллы в специально предназначенные для этого прорези.

— Да постой ты! — скомандовала она, приподняв Приллу за одно крыло.

— Прорези маловаты, — сказала Прилла.

— А вот и нет! — возразила девочка.

— Нет, да!

— Нет — нет!

Девочка отпустила её крыло, и Прилла покатилась по полу. Её крылышки запутались в складках платья.

А настоящее платье, когда она вновь оказалась на острове, пришлось ей в самый раз, и прорези были нужного размера. Прилла покружилась на месте, платье с фестончиками приятно облегло её голые ножки.

Следующим номером она примерила золотистое платьице, только помучилась с поясом — он завязывался сзади. Вот если бы у неё была подруга, она бы помогла завязать пояс! Прилла грустно вздохнула.

Подруга тоже могла бы примерить все эти платья, конечно, если б их размер совпал. Например, вон то, похожее на голубой тюльпан, которое сужалось к коленкам.

Прилла надела широкие брючки и свободный пуловер с вырезом у шеи, и то и другое из шерсти, которая была мягче облака. Она подумала: «А интересно, во что будут одеты другие феи?» Будь у неё подруга, та бы её просветила.

Фейская обувь совсем не похожа на грубую обувку неуклюжиков. Каблуки на выходных туфлях были тоненькие, как иголки. У сандаликов был красиво сплетённый верх. А ещё рядом стояли башмачки с похожими на спагетти шнурками. Домашние тапочки были сделаны в виде мышек, у них даже имелись длинные хвостики.

Как вся одежда пришлась ей по фигуре, так и обувь — точно по ноге.

Прилла удивилась — как они сумели так безошибочно определить её размер? Потом догадалась: это же опять — талант.

Может быть, фея, у которой был талант снимать мерку, увидела её на мгновение и тут же на глаз определила и длину рукава, и длину юбки, чтобы та доходила как раз до коленок, и даже сумела узнать расстояние от пятки до кончика большого пальца.

Она вздохнула и опять задумалась над тем, что же всё-таки лучше надеть на праздник. Прилла решила, что, наверное, стоит остановиться на чём-нибудь понаряднее. Она выбрала зелёное в белый горошек кисейное платье с рукавами-фонариками и гофрированной юбочкой. Посмотревшись в зеркало, Прилла решила, что горошек на платье хорошо сочетается с её веснушками. Но опять же ей так захотелось, чтобы рядом оказалась подруга и сказала бы ей, что она права!

На ноги она нацепила беленькие босоножки. Потом пригладила волосы щёткой и надела чуть-чуть набок плоскую шапочку из ракушки, которую обнаружила в верхнем ящике туалетного столика.

Затем она погляделась в большое зеркало.

«Я неплохо выгляжу», — подумала она и ударилась в слёзы.

Ах, если бы у неё был талант!

Ах, если бы у неё была подруга!

Если б объявился талант, то и подруга нашлась бы...

Глава ОДИННАДЦАТАЯ.

Прилла, горько всхлипывая, ничком рухнула на кровать. Фея была уверена, что на празднестве она будет лишней. Единственное существо, которое хоть сколько-нибудь за неё волновалось, — это Мать-Голубка. Но сейчас-то Голубке было ни до кого, потому что она готовилась к торжеству: наступал праздник Линьки. Прилла рыдала так неудержимо, что не заметила, как Дерево-Дом сильно качнулось от ветра.

Она плакала до тех пор, пока, обессилив, не уснула. Но она не просто спала.

Она оказалась сидящей на голове у девочки-неуклюжика, которая шла лесом по узкой тропинке. Впереди блеснул огонёк. Они приблизились к фермерскому дому. Дверь дома распахнулась, и им навстречу выскочили три высоченных кукурузных стебля.

Но что было дальше, Прилла так и не узнала, потому что...

Она падала с небоскрёба с уже другой девочкой-неуклюжиком.

Земля приближалась так стремительно! Тогда Прилла стряхнула несколько крупинок пыльцы на девочку, и они вместе перестали падать и полетели.

И вот уже другая обстановка: бушевала гроза, а рядом резвились какие-то зеленокожие дети-неуклюжики — они, будто лягушки, скакали из лужи в лужу.

Так она переходила из одного детского сна в другой. Сцены сменялись со всё возрастающей скоростью... Вот она видит на тарелке мясные тефтели, и в каждой из них — по живому человеческому глазу. Вот показался кит, ощерившийся моржовыми клыками, а вот — ребёнок, но только почему-то с рыжей бородой...

А в Приюте Фей всю готовились к празднику. Наступила ночь. Фонарики раскачивались и мерцали на всё усиливавшемся ветру, но светились и сами феи, и это придавало обстановке торжественности.

Феи-поварихи ещё продолжали распаковывать корзины с принесённым угощением, а феи-официантки уже раздавали ячменные крекеры, покрытые молочным кремом. Воробьиные человечки — разведчики загоразивали их от сильных порывов ветра.

Прославленная художница Бесс принесла новый портрет Матери-Голубки, который собиралась показать публике несколько позже, когда все соберутся. Теренс и другие феи, заведовавшие пылью, придавливали свои мешочки с пылью камешками, чтобы их не унёс ветер. Феи-иллюминаторы готовились к своему световому представлению, которое они обычно давали ещё до появления королевы Ри.

Видия укрылась в верхних ветках боярышника. Ей было отказано в присутствии на празднике, однако она собиралась участвовать в состязании на скорость полёта. Тут уж никто не смог бы её удержать. Она прихватила с собой несколько крупинок пыльцы из

перышек, выдернутых у Матери-Голубки. Она называла это «живой пылью». Эта живая пыльца должна была гарантировать ей успех. Бек завязала бант на шее Матери-Голубки, потом обняла её.

— Тебя уже пощипывает? — спросила она.

— Скоро начнётся, — ответила Мать-Голубка.

Перед тем как сбросить перья, Мать-Голубка всегда ощущала во всём теле некое пощипывание, которое на протяжении ночи всё усиливалось. И вот, когда ночь проходила и праздник приближался к концу, перья начинали падать. Пощипывание прекращалось. Наступал блаженный покой.

— Тебе чем-нибудь помочь? — спросила Бек, как спрашивала всякий раз, хотя прекрасно знала, что помочь решительно ничем невозможно.

— Нет, спасибо, — ответила Мать-Голубка. — Как ты думаешь, где Прилла?

Было бы очень жаль, если бы малышка пропустила свой первый праздник.

Бек сказала, что ей ничего не известно о Прилле, а фея Мот, самая талантливая из всех фей света, сказала, что всё готово и можно начинать.

Все разместились на ветках боярышника или на земле вокруг гнезда Матери-Голубки и пригасили своё свечение.

А фея Мот устроилась на расстоянии фута от головы Голубки. Другие феи-иллюминаторы придвинулись к ней поближе и окружили её. Они, наоборот, засветились ярче обычного. Потом ещё ярче. Ещё ярче. Так ярко, как только могли.

Теперь в дело должна была вступить сама Мот. Она стиснула зубы, собрала все силы. Она осветила хвост Матери-Голубки ярко-ярко. Потом передвинула сияние к её голове, затем к крыльям, к животу, к спине. Это стоило ей огромного напряжения. Она кивнула, и остальные феи света стали подпрыгивать на месте, каждый раз меняя высоту прыжка, поэтому казалось, что Мать-Голубка охвачена пламенем. А ветер добавлял реальности этой картине, его порывы клонили сполохи то вправо, то влево.

Пламя символизировало волшебное происхождение Матери-Голубки.

Она родилась обычной птицей в те времена, когда Нетинебудет был обычным островом. Но потом вулкан Тортс начал извергаться. И сгорели все травы. И сгорели все леса. И звери поумирали.

И тогда остров проснулся и стал островом Нетинебудет.

Самым последним загорелось то дерево, на котором было Голубкино гнездо. Остров поглядел на дерево и на Голубку, и решил, что она сможет ему помочь. Дерево горело, и птица горела, но только они не сгорали. Огонь даже ничуть не опалил её перышки. Однако птица всё-таки не осталась прежней. Она превратилась в Мать-Голубку и

исполнилась такой мудрости, которой она раньше и не обладала. На следующий день она снесла яйцо. Через неделю она полиняла, сменив оперение. А ещё через день прилетели феи, и Мать-Голубка сразу их полюбила и научила их, как использовать опавшее оперение. Вот так оно всё началось несчётное количество лет назад.

Мот расслабилась. Феи света перестали подпрыгивать и пригасили огни. Остальные феи окружили их, принося им свои поздравления. Мать-Голубка заметила Динь и подозвала её к себе.

Ветер заглушил её воркование, но Динь поймала на себе её взгляд и приблизилась.

Когда Динь призналась, что понятия не имеет, где Прилла, Мать-Голубка попросила её найти новенькую фею.

— Если её нет поблизости, попробуй поискать её в Дереве-Доме. Мне бы очень не хотелось, чтобы она всё пропустила.

Динь страшно разозлилась. Да мало ли где могла оказаться эта Прилла! А Динь хотелось посмотреть, как работает починенная ею поварёшка. Она отправилась на поиски, расталкивая празднующих и удивляясь тому, как это ей сумели навязать опеку над этой Прил-лой.

Следующим номером программы должна была быть речь королевы Ри. Мать-Голубка приподнялась в гнезде, насколько могла, а королева опустила ей на голову, как это обычно и происходило.

— Феи, — начала она свою речь, стараясь перекричать шум ветра. — Феи и воробьиные человечки...

— Погромче! — раздались крики из публики.

— Феи и воробьиные человечки! Это был... — Она на минутку замялась. Ей очень хотелось заявить, что прошедший год был замечательным. Но на самом деле это было не так. Слишком много фей погибло оттого, что неуклюжики перестали в них верить. — Это был неплохой год, — сказала королева.

— Громче!

Капля дождя упала королеве прямо на макушку, столкнув на лоб тиару и вымочив волосы. Капля дождя попала в поварёшку, а другая чуть не пробила дырку в рукаве бледно-зелёного королевского платья. Семь капель упали на Рени, промолив её насквозь. Рени засмеялась, ей это понравилось. Раздался раскат грома.

Все его услышали. Смех Рени оборвался. Мать-Голубка перестала ощущать пощипывание, которое бывает перед линькой. В последний раз гроза на острове случилась ещё до того, как Мать-Голубка снесла яйцо.

А урагана и вовсе никогда не бывало.

Глава ДВЕНАДЦАТАЯ.

Королева Ри спустилась и встала напротив Матери-Голубки. Та велела: — Отправь всех по домам, пока они ещё могут летать. Начинается ураган.

Королева даже и не подумала послушаться. Мать-Голубка в опасности, и феи не оставят её наедине с бедой. Ри повернулась и обнаружила рядом с собой Динь. Королева начала торопливо отдавать распоряжения.

Динь собрала с дюжину фей, и те окружили гнездо. Посыпав на гнездо немного фейской пыльцы, они стали снимать его с ветки, чтобы отнести в безопасное подветренное место.

Но прежде чем они успели приподнять гнездо хотя бы на дюйм, налетел такой порыв ветра, что сдул Динь и всех её помощниц и обломал многие ветки боярышника... Бек спаслась тем, что повисла на шее у Матери-Голубки. Ри поднялась повыше, чтоб оказаться над ветром, но тувельки с неё он всё-таки смог сдуть. Другой фейский отряд окружил гнездо. Но ещё более сильный порыв ветра сдул и их, и королеву Ри, и Бек тоже. Только Мать-Голубка осталась на месте, потому что она была раза в три тяжелее, чем любая из фей.

Один из фонарей на праздничной площадке перевернулся, и из него вырвалось пламя. Две феи сумели погасить огонь, опрокидывая на него один за другим кувшины с пуншем. Тем временем феи-поварихи стали спешно укладывать еду обратно в корзины. Бесс обхватила руками свою картину, прижала её к груди. Воробыиный человечек — санитар оказывал помощь фее, ударившейся об дерево. Ещё несколько фей попытались добраться до гнезда, однако новый порыв ветра, рядом с которым предыдущие казались слабыми дуновениями бриза, в мгновение ока смёл всех, так что рядом с гнездом не осталось ни одной феи.

Это явился его величество ураган.

Мать-Голубка напрасно умоляла его пощадить фей и не трогать её драгоценного яйца. Ураган швырялся огромными булыжниками, точно они были шариками для пинг-понга. Он так приложил Динь о берёзовый ствол, что она скатилась на землю, теряя сознание. Ветер подхватил Рени и поднял её выше древесных крон. Потом он вдруг поменял направление, и она полетела вниз. Ей, наверное, настал бы конец, если бы в прорезь для крыльев на её платье не попала ветка. Водяная фея была спасена, но так и повисла на этой ветке, не в силах освободиться. Она раскачивалась из стороны в сторону, молясь, чтобы ветка не подломилась.

Ветер утащил королеву Ри на целую милю прочь от Приюта Фей. Он швырнул её в дупло и заткнул вход ботинком какого-то неуклюжика. Ри трясла ботинок, колотила по нему, но никак не могла сдвинуть его с места. Она давила на него плечом. Ничего не помогало.

Королева вытащила из дырочек шнурки и присела на край ботинка, стараясь не обращать внимания на противный запах. Она думала: «То ли это ветер напирает на него с той стороны, то ли этот ботинок так прочно заклинило, что мне теперь ни за что и никогда отсюда не выбраться».

Ураган сорвал мачту с пиратского корабля, а сам корабль угнал в открытое море. Одну русалку выкинуло футов на пять на песчаный берег, а все её подружки быстренько унырнули на дно, спасаясь от буйства стихии. Даже дракон Кито далеко от берега дрожал в горной пещере, в которой он был заключён.

Бек ветром волокло по земле. Она пыталась остановиться, зацепиться за что-нибудь, но для урагана она была не больше реснички. Она чувствовала, что Мать-Голубка в отчаянии, но была бессильна хоть чем-нибудь ей помочь. Наконец ветер загнал Бек в чью-то нору. Она села, постаралась отряхнуться и немного почиститься и вдруг обнаружила в норе целый выводок насмерть перепуганных маленьких кротят.

— Тихо, тихо, — начала она успокаивать малышей. — Всё будет хорошо.

Ну не могла же она их оставить!

— Тихо, тихо. Всё с вами будет в порядке. С нами всё будет в порядке.

«Будет ли?» — подумала она про себя.

Теренса несло вниз по склону вместе с камнями и пучками вырванной травы. Там внизу бурлила река, полная грязи и всяческих обломков.

Если он не остановится, то она его просто проглотит. Он сделал попытку дотянуться до торчавшего из земли корня дерева. Дотянулся. Схватился за него одной рукой. Потом сумел уцепиться за корень и второй рукой, приподняв голову, чтобы вдохнуть воздуха и не захлебнуться грязью.

Он очень беспокоился о Динь.

А Динь возле берёзы понемногу пришла в себя и отдышалась. Она слишком намокла, чтобы взлететь, и просто побежала по земле, сгорбившись, чтобы хоть как-то защититься от ветра. А ветер где-то добыл медную кастрюльку и здорово ткнул ею Динь по голове. Потом он подхватил её и понёс вместе со скатертями, мешочками с пылью и портретом Матери-Голубки, нарисованным феей-художницей Бесс.

Глава ТРИНАДЦАТАЯ.

Приллу разбудил горестный стон. Дерево-Дом раскачивалось, точно перевёрнутый маятник, и стонало. Она подлетела к окну, но ничего не увидела, потому что ветер залепил его снаружи мокрым листком. А как же празднество?!

Она поспешно спустилась в холл и распахнула входную дверь.

Её свечение смогло выхватить из тьмы всего несколько дюймов, и всё, что она увидела, — это был дождь, стена дождя. Между каплями не было никакого просвета. Сверкнула молния. У Приллы перехватило дыхание. Большого дуба не было на месте. Не было! Только яма там, где раньше уходили в глубину его корни. Она подумала: «А как же Мать-Голубка?! А Динь! А Рени! А Теренс! Сумели ли они спастись, раз даже могучий дуб не уцелел?»

После вспышки молнии мир вновь погрузился в темноту. Прилла понимала, что в такую погоду ей не удастся полететь. Безопаснее всего было остаться в Доме.

Она подождала, пока молния сверкнёт снова.

Дождалась — молния прорезала тьму, а новый раскат грома чуть не оглушил Приллу. Она кинула взгляд на тропинку, которая вела к гнезду, и решила, что пойдёт пешком. Фея выглянула из дверей, но порыв ветра швырнул её обратно. Она перевела дух. Потом высунула руку. Ветер немного утих. Но если он опять усилится, то попросту сдует её. Она дождалась следующей вспышки молнии. Молния сверкнула, и Прилла увидела не遠далеке нависшую скалу, под которой можно было укрыться. Она покинула холл и тут же промокла насквозь. Поскользнувшись, сбросила свои босоножки и помчалась к скале. Ей удалось добежать до неё раньше нового порыва ветра. Она стала ждать, когда молния снова осветит округу, а ветер немного утихнет. Долго ждать молнии не пришлось, и Прилла увидела корни вывороченного дерева. Под ними она опять могла бы укрыться по пути. Ветер ослаб, и она побежала.

Ветер оборвал все листья с боярышника, но Мать-Голубка оставалась невредимой. Сначала она пришла в ужас. Ведь если она умрёт, то у её любимых фей никогда не будет фейской пылицы.

А если разобьётся её любимое яйцо, то и звери, и люди — все начнут стареть и умрут. И она, конечно, тоже умрёт.

Но часы проходили, и ветер свистел вокруг неё, а она всё ещё была цела. Мать-Голубка слегка расслабилась, решив, что остров Нетинебудет охраняет её.

Так оно и было. Остров действительно её охранял, но это давалось ему не так просто. У урагана были самые худшие намерения.

А самым худшим из самых худших намерений было вот какое: выкинуть из гнезда Мать-Голубку и её яйцо.

Ураган насылал на неё свои самые злые ветры и самые проливные дожди. Остров боролся как мог, отгоняя грозу, решив ни за что не сдаваться. Когда прямая атака не удалась, ураган решил поменять тактику. Он погнал свои самые сильные ветры в море, чтобы они подняли огромную волну, которая смыла бы с острова всё живое.

Конечно же, острову надо было как-то от этой волны увернуться. Он начал собираться с силами. И в то самое мгновение, когда остров отвлёкся от Матери-Голубки, ураган послал сильнейший штормовой шквал, и тот сдул Мать-Голубку с гнезда.

Она старалась справиться с ветром и вернуться в гнездо. Она била ветер крыльями, долбила его клювом, ударяла головой. Но он относил её всё дальше и дальше от гнезда. Она измучилась и ослабла. И тогда ветер поднял её в небо над островом и швырнул оземь на самом берегу.

Она лежала на прибрежном песке, грудь её была повреждена, оба крыла сломаны. Пока её яйцо оставалось невредимым. Она бы и на расстоянии почувствовала, если бы с ним что-нибудь случилось.

Ветер, который унёс Голубку, вернувшись, ничего не смог поделать с яйцом. Но вот налетела молния, ударила в него, раскола скорлупу и испепелила содержимое.

Остров содрогнулся. Мать-Голубка поняла, что это означает.

— Моё яйцо! — запричитала она. — Мой волшебный дар острову! Оно погибло!

Глава ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Расколов яйцо, гроза стала стихать. Струи дождя поредели. Ветер начал ослабевать. Небо на востоке посветлело. Динь очнулась. Она лежала ничком на разбитой фарфоровой тарелке. Каким-то чудом ей удалось не порезаться. Голова болезненно пульсировала. Фея пощупала свой лоб, на нём была шишка не меньше перечного зерна. Что случилось?

Постепенно к ней стала возвращаться память. Она было вскочила, но тут же опять упала. У неё всё кружилось перед глазами. Нужно же разыскать Мать-Голубку! Она стала подниматься, на этот раз медленно и осторожно. Динь шла, едва переставляя ноги и поглядывая в небо, опасаясь ястребов.

На ней уже почти совсем не осталось пыльцы, так что по-настоящему лететь она не могла. Она только так, чуть-чуть, время от времени подлетала, а в основном шла пешком. Фея миновала поваленную бамбуковую рощу, всю засыпанную оборванными ветками и камнями. Поперёк лежала мачта, унесённая ураганом с пиратского корабля. На пути ей встретились обезумевшая от страха белочка и жаворонок с окровавленным хвостом. Она обещала жаворонку, что поищет фею, чей талант — лечить зверей и птиц.

Повсюду феи пытались привести себя в порядок и помочь в этом друг другу. Королеве Ри удалось наконец вытолкнуть ботинок из дупла, где она застряла так надолго. Разведчик услышал крики о помощи и снял Рени с ветки. Мать-кротиха вернулась в нору к своим деткам, так что Бек смогла удалиться. Теренс наконец разжал руки, отцепившись от корня, который он так долго судорожно сжимал. Он был весь в грязи, но зато остался жив.

Прилла первая обнаружила Мать-Голубку. По дороге она свалилась в ручей Хавендиш. Она рисковала утонуть, но течение было таким стремительным, что мигом вынесло её к морскому берегу, где она смогла вскарабкаться на песчаный холм. Когда понемногу стало светать, она увидела Голубку.

Прилла ринулась к ней по песку. Крылья Голубки лежали как-то неестественно, под углом, а перья были все облеплены песком. Мать-Голубка позвала:

— Прилла...

Слёзы так и лились у Приллы по щекам.

Мать-Голубка проворковала так тихо, что Прилла едва её расслышала:

— Прилла... Я надеялась, что ты придёшь...

— О, Мать-Голубка... Ох!

Возможно, дело было в том, что Прилла была так молода, а может быть, в том, что она не сгибалась и не горбила плечи, даже когда плакала, но фея сумела передать Матери-

Голубке заряд бодрости, и той вдруг поверилось, что её яйцо ещё можно спасти. А если будет спасено яйцо, то и она сама тоже выздоровеет.

Она как бы нырнула в глубины своей собственной мудрости, а ещё погрузилась мыслью в островные предания. И пришла к заключению, что шанс ещё оставался.

Поскольку яйцо возникло в огне и погибло тоже в огне, возродить его сможет не что иное, как огонь. Только необычайно жаркий, такой, как в аду. А где же можно разыскать подобный огонь? Ведь вулкан Тортс не извергался уже несколько веков...

Правда, там, в пещере, был заключён огнедышащий дракон Кито.

Но с чего бы ему вдруг захотеть оказать феям помощь? Он ведь никогда не отличался добротой.

Мать-Голубка набрала в грудь воздуха.

— Найди королеву Ри и Бек, — попросила она Приллу. — Приведи их ко мне.

Прилла кивнула и бросилась прочь, перемежая бег краткими полётами. Мать-Голубка закрыла глаза и задумалась.

Прилла была на полпути к Приюту Фей, когда ей встретилась Бек — она, прихрамывая, направлялась в сторону морского берега. Прилла показала ей, в каком направлении идти к Матери-Голубке, и побежала дальше.

Вскоре она обнаружила королеву Ри и Динь. Последняя прикладывала кусок льда к шишке на лбу. Королевскую тиару сдул и унёс ветер, но Прилла узнала королеву по её горделивой осанке, по посадке головы и пронзительному взгляду.

Ри и Динь примостились на ветке как раз над разрушенным яйцом. Почерневшая скорлупа развалилась на три части. В самом большом куске застряло немного золы. Это было всё, что осталось от яйца.

— С Матерью-Голубкой, должно быть, что-то случилось. Она сама ни за что бы не покинула яйцо, — произнесла Динь.

— Разведчики ищут, только кто знает...

Обе они представили себе те ужасы, которые могли постигнуть Мать-Голубку.

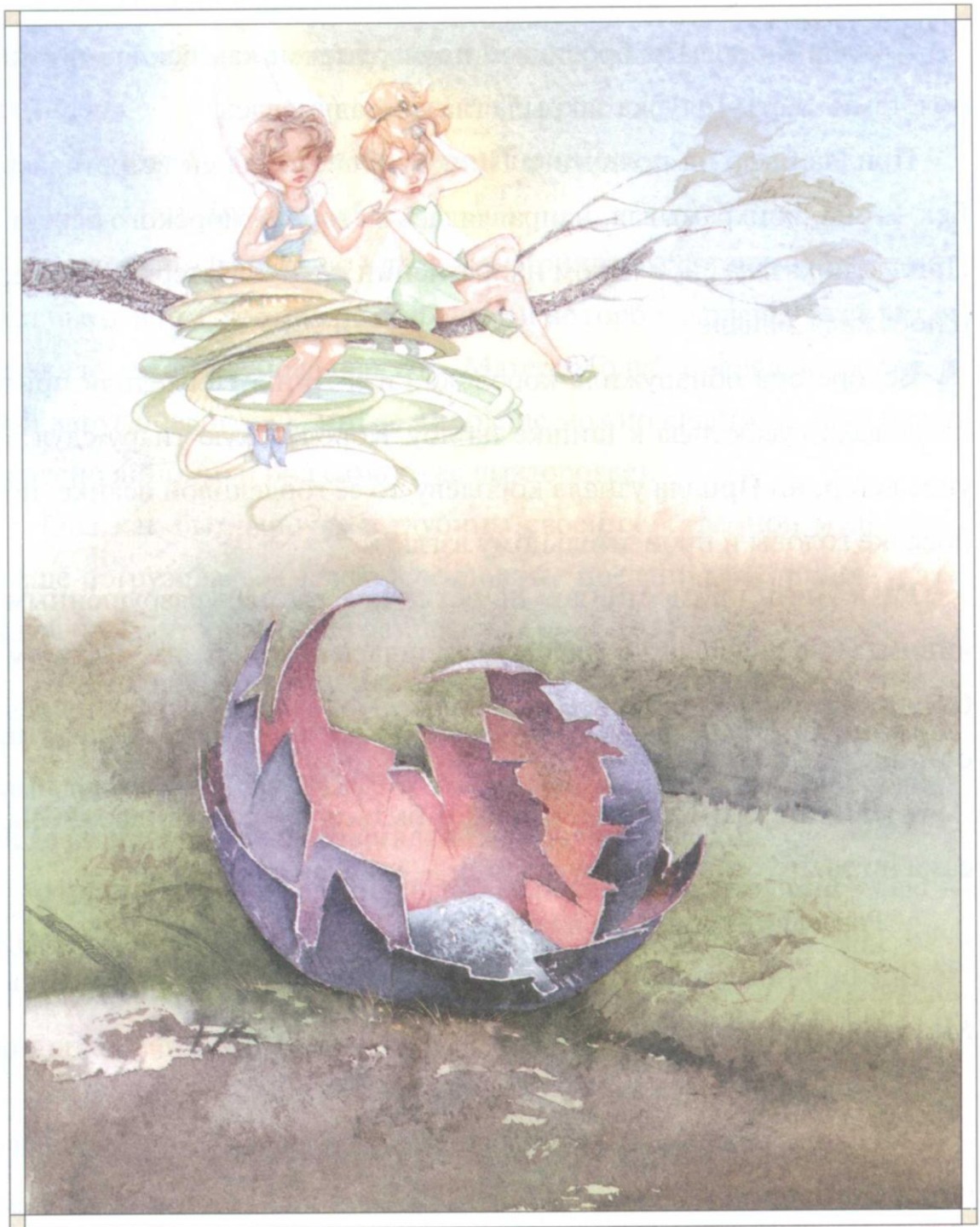
Прилла принялась карабкаться на боярышник.

— Если даже с ней всё в порядке, — сказала Динь, — то, увидев яйцо, она заболит.

Прилла наконец долезла до них и присела в реверансе, приветствуя королеву и не зная, что у фей на острове это не принято. Она рассказала им про Мать-Голубку.

Все трое поспешили на берег. Там Бек, вся в слезах, гладила Голубкины перышки. Королева Ри тоже расплакалась, а следом и Динь не смогла сдержать слёз.

Прилла, которая уже выплакалась до того, стала думать: может быть, у неё есть талант разбираться с последствиями урагана?

— Тебе больно? — спросила Ри.

— Не очень, — шёпотом отозвалась Мать-Голубка. Бек-то знала, что та испытывает почти невыносимую боль.

— Перья не будут линять, — прошептала Мать-Голубка. — Я слишком слаба.

У Ри тут же мелькнула мысль: «Значит, не будет и фейской пылицы. Никакого волшебства, никакой защиты от ястребов, никакой безопасности!»

— Я бы поправилась, — сказала Мать-Голубка, — если бы яйцо... Если бы мы смогли возродить его, если бы оно снова оказалось со мной.

«Но оно разбилось и сгорело», — подумала Прилла. А Динь сказала себе: «Я чинила кастрюльки, повреждённые ещё и посильнее».

— Возродить? Но как? — спросила Бек.

— Это будет нелегко, — невозможная боль, ответила ей Мать-Голубка.

Ей было трудно говорить. И когда она замолчала, королева Ри велела Прилле, Бек и Динь пойти и прислать к ней сюда, на берег, всех-всех фей.

Мать-Голубка прошептала:

— Не уходи, побудь со мной, Динь. Ри, — продолжала она шёпотом, обращаясь к королеве, — я уверена, на острове кроме меня есть и другие раненые птицы и звери. Пошли Бек им на помощь.

Бек шагнула к Голубке, не желая покидать её.

— Бек... — Мать-Голубка протяжно и печально заворковала. Бек почувствовала, что Голубка её любит. Но почему же она тогда отсылает её от себя?

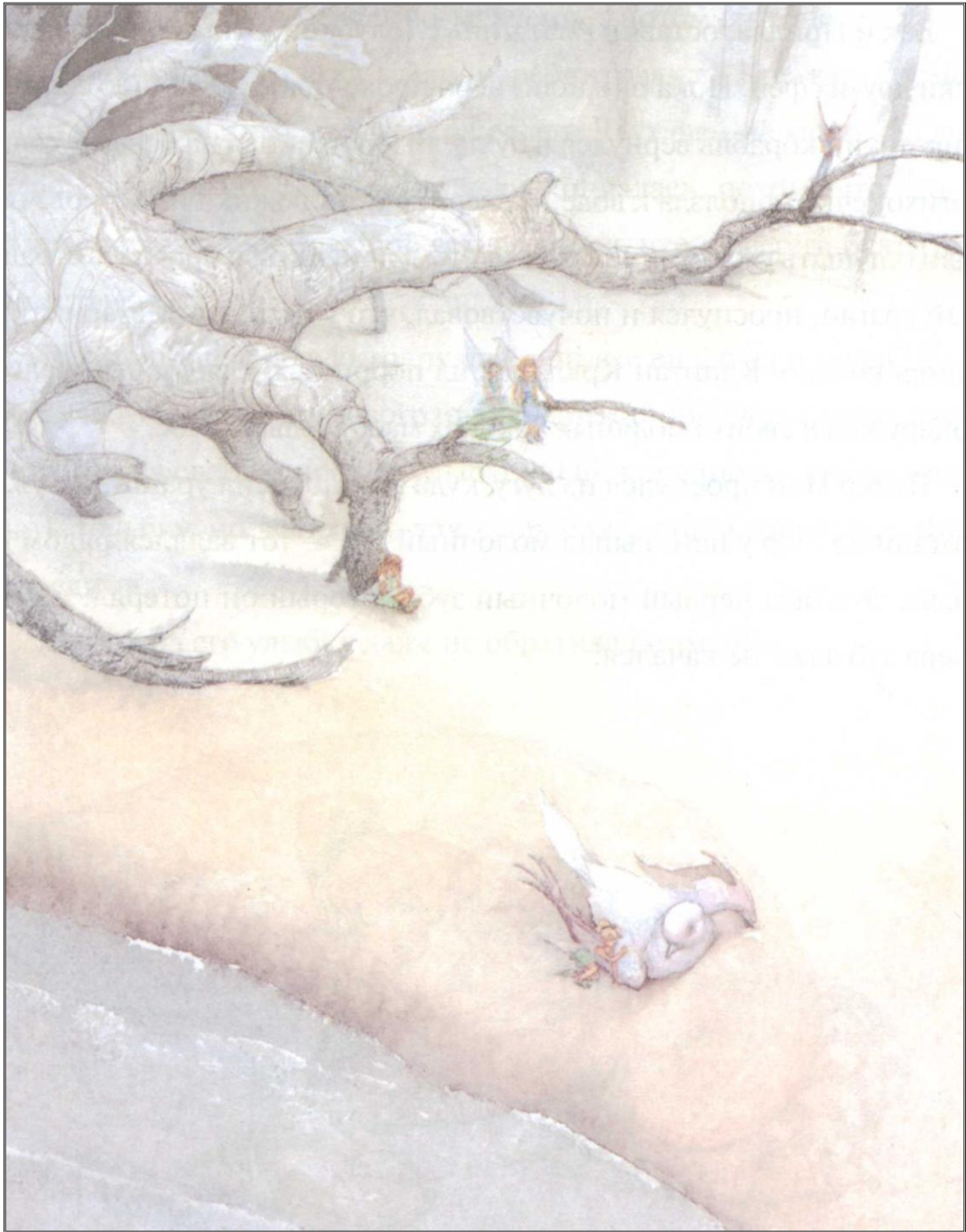
— Мы обе плачем, Бек, — сказала Мать-Голубка. — Мы только будем без конца расстраивать друг друга.

Она догадывалась, что, если Бек останется, её сердце может не выдержать.

Бек кивнула, соглашаясь. И всё-таки ей очень не хотелось уходить. Динь подёргала себя за чёлочку. Она понятия не имела, как ухаживать за раненой птицей.

«Я постараюсь изо всех сил», — подумала она.

Бек и Прилла, оставив Ри и Динь с Голубкой, отправились на поиски других фей. Пока они шли, небо прояснилось и взошло солнце. Пиратский корабль вернулся в бухту. Выброшенная на берег русалка потихонечку поползла к воде. И звери, и неуклюжики на острове начали ощущать утрату яйца. Медведь, умудрившийся проспать страшный ураган, проснулся и почувствовал, что у него, как у старика, не гнётся колено. Капитан Крюк решил побриться, глянул в зеркало и обнаружил в своих смоляных локонах массу седых волос.

Питер Пэн проснулся на лугу, куда его забросил ураган, и с ужасом понял, что у него выпал молочный зуб — тот валялся рядом на траве. Это был первый молочный зуб, который он потерял. А ведь вчера зуб даже не качался!

Феи собирались медленно-медленно, потому что не могли летать. Некоторые из них были перебинтованы. Кое-кто хромал. Один из воробьиных человечков ослеп. Двух фей не хватало. Одну ветром сдуло в море, и одна ночью скончалась, потому что кто-то из неуклюжиков на Большой земле сказал, что не верит, будто феи существуют.

Теренс привёл целую толпу фей. Он всё ещё был в грязи. Даже зубы у него были коричневого цвета — это становилось видно, когда он улыбался своей широкой улыбкой. Он, конечно же, очень жалел Мать-Голубку, но всё равно так и просиял, когда узнал, что Динь невинна.

Но она на его улыбку даже не обратила внимания.

Ри начала свою речь с того, что объяснила всем: Мать-Голубка тяжело ранена и сбрасывать перья не в силах.

— Но всё ещё может наладиться, — сказала она, — если возродить яйцо и вернуть его ей. Я пошлю фею на поиски спасения. Она должна будет добиться того, чтобы яйцо возродилось, и принести его сюда.

Прилла при этом подумала: а вдруг у неё как раз и обнаружится спасающий яйца талант? Ри продолжала:

— Эта фея получит почти всю оставшуюся пыльцу. Я только оставлю немного для разведчиков.

Все, кроме разведчиков, выразили неудовольствие. Ри подняла руку:

— В любом случае, пыльцы у нас осталось всего на несколько дней.

Каждая из фей представила себе жизнь без полёта, без волшебства. Кем же они тогда будут — феями или так, бледными ползающими светлячками?

Глава ПЯТНАДЦАТАЯ.

Видия пыталась измыслить, как бы ей надёргать ещё перышек у Матери-Голубки. У неё осталось не больше пары пригоршней «живой пылицы».

— Драгоценные мои, — обратилась она к присутствующим, — нам надо немедленно ошипать Мать-Голубку! Если она умрёт, то от её перьев не будут никакого толку.

Прилла и почти все остальные пришли в ужас от этих слов. Только одна-две из фей посчитали, что это предложение стоило бы обсудить.

Если они ошиплют Мать-Голубку, то пылицы у них хватит аж на целый год.

Мать-Голубка знала, что Видия права. В случае её смерти перья утратят силу. И она решила: «Если я почувствую приближение смерти, то велю им взять моё оперение».

— Каждый, кто посмеет замахнуться на живые перья, — решительно заявила Динь, — будет иметь дело со мной.

— И со мной, — присоединился к ней Теренс.

— Как тебе не стыдно, Видия! — воскликнула Ри. — Никто не станет ошипывать Мать-Голубку. Мы все будем надеяться, что поиски увенчаются успехом.

Прилла подумала: не удастся ли ей хотя бы тайно присоединиться к тем, кто будет вести поиски? А вдруг она им в чём-нибудь да пригодится?

— А теперь, — сказала королева Ри, — я хочу, чтобы вы все отправились по своим комнатам и мастерским и определили, какой урон нанесён вашим талантам. Потом я посету Дерево-Дом, и вы дадите мне подробный отчёт. Все свободны. Останется только Рени.

— Я? — переспросила Рени. Она была польщена. Мать-Голубка прошептала:

— И Прилла тоже.

— Прилла? — удивилась Ри. — Не слишком ли она молода?

— Прилла, — снова послышался шёпот. — И Видия.

— Видия?!

— Да, — кивнула Мать-Голубка. — Для скорости.

Ри окликнула этих двоих, и они вернулись. Прилла была поражена, она никак не ожидала, что выберут её. Может, королева обнаружила в ней наконец какой-то талант? О! Поиски сулили массу приключений, и она будет рядом с Рени, самой приятной из здешних фей!

Ри опустилась на корягу, прибитую к берегу ураганом. Рени присела рядышком. Прилла плюхнулась прямо на землю неподалёку от Динь, которая, стоя на коленках, вычищала песок из оперения Матери-Голубки.

Мать-Голубка ждала, когда же она наконец перестанет: Динь шевелила её крылья, а это причиняло боль. Видия стояла в сторонке.

— Я не такая ужасная, когда во мне нуждаются, не правда ли, до...

— ...рогие? — договорила за неё Рени. — Я думаю, в каждом есть что-то хорошее.

— Вы все слышали про Кито, не так ли? — спросила Ри. Прилла покачала головой.

— Кито — это дракон, — пояснила Рени. — Огненный дракон. — Она вытерла пот со лба и продолжала: — Его заперли в пещере высоко на горе Тортс, которая вздымается в самой середине острова. Его поймали потерянные мальчишки, когда он был ещё совсем молоденьким, и с ними королева фей, которая была здесь до Ри.

— Мать-Голубка надеется, — сказала Ри, — что яйцо может возродиться в огне, если тот будет достаточно жарким. А огонь Кито...

— ...достаточно жаркий, — закончила фразу Рени.

— А яйцо на таком огне не сварится? — поинтересовалась Прилла.

— Только не моё яйцо, — гордо ответила Голубка. — Обычное яйцо сварилось бы.

— Родненькие мои, вы думаете, Кито захочет помочь из добрых побуждений? — ухмыльнулась Видия.

— Он вовсе не добрый, — отозвалась Рени.

Видия улыбнулась своей самой противной улыбкой.

— Я знаю, дорогая.

— Он злой, — прошептала Мать-Голубка. — Ему нельзя доверять.

Кито был очень злым. Даже злоба капитана Крюка бледнела рядом с его злобой. Доброты в нём не было ни капельюшечки.

— А может, он всё-таки захочет спасти яйцо? — спросила Прилла. — Разве оно не сохраняет и его молодость?

— Нет, — ответила Ри. — Мать-Голубка говорила, что на него оно не действует.

— Миленькие мои, — вмешалась в разговор Видия, — свобода — вот единственное, что может его...

— ...заинтересовать, — подхватила Рени. — Но ведь мы не должны отпускать его на свободу, да?

— Ни в коем случае! — ответила Ри. — Это грозило бы слишком большими бедами. Кроме того, у фей просто не хватит сил, чтобы его выпустить. Но Мать-Голубка говорит, что он мог бы возродить яйцо, даже если ему и не будет обещана свобода. Для этого нам надо пополнить его клад.

— Что такое клад? — не поняла Прилла.

— Драконы любят копить, — сказала Ри. — Клад — это драконьи накопления красивых и необычных вещей. Они ему так же дороги, как и его...

— ...пламя. — Рени нахмурилась. — А что у нас есть такого, что Кито хотел бы заполучить?

— Ничего, — ответила Ри. — Нам придётся сначала добыть кое-какие предметы.

— Ясное дело, — сказала Видия.

— Какие это предметы? — уточнила Рени.

Мать-Голубка глубоко задумалась. Драконы ценят золото и драгоценные камни. Но ещё больше они ценят всякие диковинки, разные редкости. И чем труднее какую-нибудь штуку достать, тем она для них желаннее.

Голубка уже заранее выбрала три вещи, которые могли бы соблазнить Кито.

— Перо золотого ястреба... — начала перечислять Ри. Видия недобро улыбнулась.

— Ну конечно, мы выдернем из него золотое перо ради Матери-Голубки, а убьёт-то он не её, а нас.

— Это очень неправильно — выдёргивать перья, — сказала Мать-Голубка, — но другого выхода нет.

Ри продолжала:

— А ещё серебряный мундштук капитана Крюка для двух сигар сразу и гребень русалки. Вот эти три вещи.

Воцарилось молчание. Лишь чудо могло помочь феям добыть хоть один из этих предметов, не говоря уж обо всех трёх!

Глава ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ри не отпускала их в дорогу, пока они хорошенечко не выспятся и плотно не поедят. Рени спала и видела свой обычный сон. Ей снилось, что она плавает. Её крылышки превратились в плавники, а вместо лёгких у неё появились жабры. Вокруг неё сновали рыбы. Русалки пригласили её принять участие в их празднике. После того как праздник закончился, она стала подниматься вверх, вверх, вверх, всплыла на поверхность воды и вышла на берег. Плавники опять стали крыльями. Она полетела над лагуной, и полёт был столь же великолепен, как и плавание в воде.

Она проснулась в слезах. Никогда ей не поплыть, никогда не побывать в подводном царстве! Она вытерла слёзы, переделалась в платье с шестью карманами и в каждый карман положила по носовому листочку.

Видия в своём жилище на ветке дикой сливы видела во сне, что она пролетает через облако фейской пыли. Проснувшись, она выдвинула из-под кровати сейф с семью замками, отперла все семь и достала мешочек с остатками «живой пыли»! Она прикрепила его к поясу и запихнула под юбку, чтобы его нельзя было заметить.

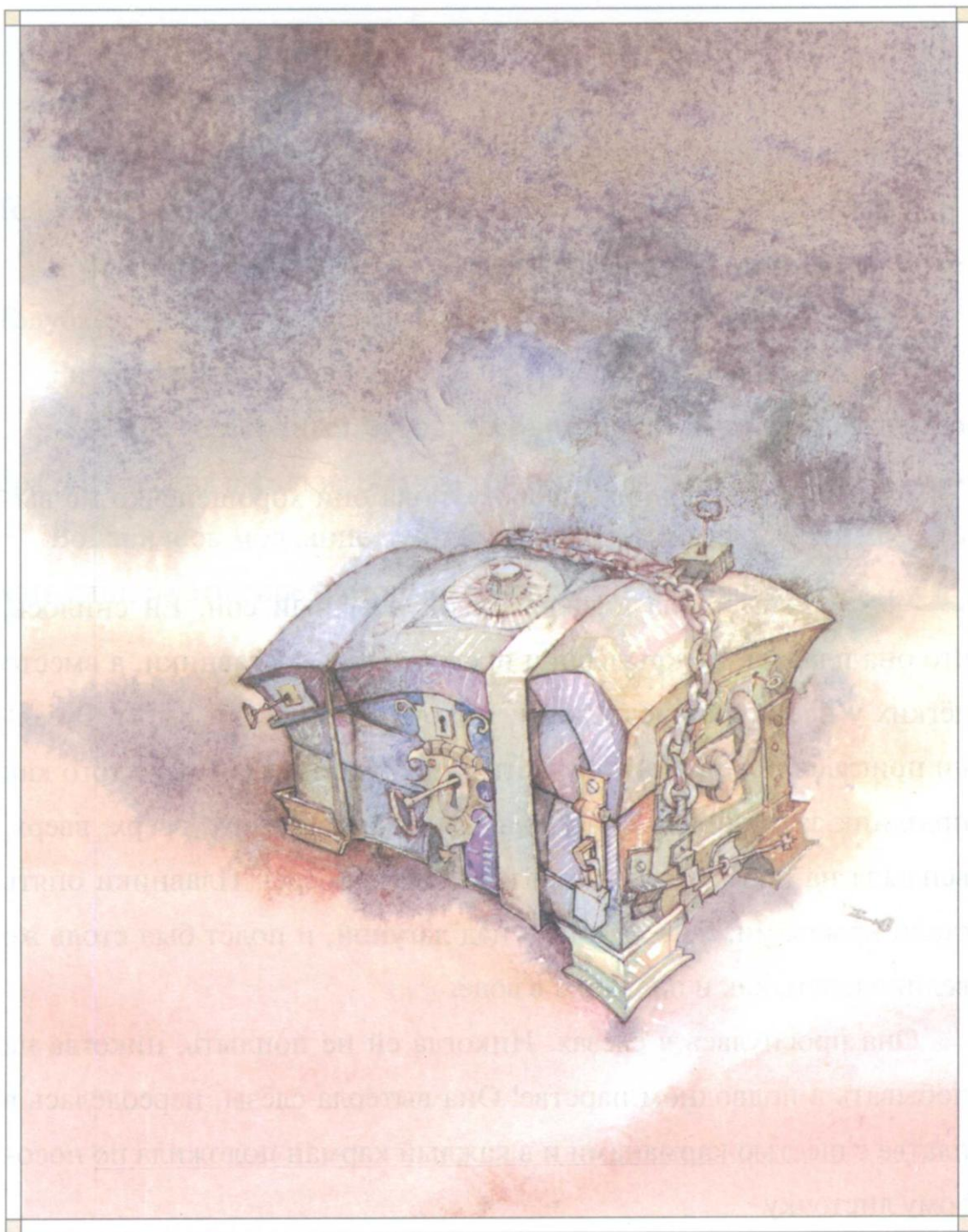
Прилла снова попала в сновидение ребёнка-неуклюжика и оказалась в кондитерском магазине. Этот сладкий сон никак не хотел её отпускать, так что, проснувшись, она только через пару минут сообразила, где находится.

Поиски! Ей предстояли поиски средства возродить яйцо и её собственные поиски — попытка обнаружить свой талант. Она выпрыгнула из постели и быстренько оделась, зашнуровала ботинки, надеясь, что длинные, как спагетти, шнурки окажутся прочными и не подведут. Она приколола к платью изнутри лоскуток от своей старой одежды, чтобы с ней в путешествии было что-то знакомое, что-то своё.

Ей хотелось взять с собой плюшевую зверюшку или куклу. Но такого на острове Нетинебудет не водилось.

Отправлявшиеся на поиски феи поужинали в чайной комнате вместе с Ри. Им подавали грибы, фаршированные кунжутным пюре. Это был первый ужин, приготовленный в отсутствие фейской пыли. Грибы оказались наполовину сырыми, пюре было пересолено. Только Видия обратила на это внимание. Остальным было не до того.

Наступила ночь. Прилла увидела в окне чайной комнаты полную луну.

— Ри, лапушка, а как мы будем таскать разбитое яйцо с места... — начала Видия.

— ...на место? — подхватила Рени. Она пожалела, что сама об этом не подумала. — Яйцо и те предметы, которые мы должны заполучить? Мундштук и гребень — это всё же приличная тяжесть...

Ри сказала, что она пока подержит яйцо на Площади Фей.

— Феи-плотники уже начали строить специальный сарай. Туда мы положим яйцо. А вы будете складывать туда те предметы, которые добудете, — по одному, пока не соберёте всё необходимое.

— Всё! — фыркнула Видия. — Хорошо бы нам добыть хоть что-нибудь. Солнышки мои, говорю вам, нам надо оципать Мать-Голубку, пока она не перекинулась.

Ей нравилось наблюдать, как на лицах её компаньонов появляется выражение ужаса.

Ри не снизошла до того, чтобы хорошенько её отругать. Она просто сказала:

— Я дам вам воздушный шарик, на котором можно будет всё перевезти, когда вы отправитесь к дракону.

Прилла с удивлением подумала: «Зачем Видия согласилась участвовать в поисках, раз она не верит в их успех?»

Но это было не совсем так. Видии хотелось добиться успеха, как и всем остальным.

Рени предложила первым делом отправиться к капитану Крюку за мундштуком.

— Миленькая, и как же ты предполагаешь его у него забрать?

— А что, он никогда не спит? — поинтересовалась Прилла.

— Деточка, он ни на секунду не выпускает мундштук изо...

— ...рта. Но это только слухи, — подхватила Рени. Ри сказала:

— Может, вам удастся вытащить мундштук так тихо, что он не проснётся.

Прилла тут же загорелась надеждой, что у неё это получится, и тогда окажется, что у неё талант вытаскивания мундштуков. Или вообще — талант обращаться с пиратами.

После обеда Ри проводила их в холл, где дожидалась целая толпа провожающих.

У дверей стоял Теренс с сумкой через плечо.

— У Теренса есть на четыре дня пыльцы для каждой из вас, — сказала Ри. — И ещё у меня останется на четыре дня для разведчиков. На пятый день мы окажемся без пыльцы. — Её голос дрогнул. — И боюсь, что в тот же день Мать-Голубка скончается.

Слёзы потекли у Рени по щекам.

Прилла тоже опечалилась, но перспектива поисков возбуждала её. Её жизнь только начиналась. Она ведь вступает на путь спасения Матери-Голубки и вот-вот обнаружит свой талант!

Теренс погрузил руку в сумку и достал оттуда мешочек. Он осыпал каждую из отправлявшихся на поиски фей чашечкой пыльцы. Ни крупинкой больше, ни крупинкой меньше. Воробьиный человечек завязал мешочек, и Видия тут же резким движением попыталась вырвать его у него из рук. Теренс отпрянул.

Ри поняла, что ей необходимо срочно что-то предпринять. Надо назначить Рени главной, иначе Видия учинит какое-нибудь безобразие. Конечно, Рени не идеальна. Чересчур эмоциональна. Но о Прилле-то ей пока почти ничего не известно, и к тому же она слишком молода.

Ри думала отправиться на поиски сама, но Мать-Голубка не назвала её имени.

— Рени, я хочу, чтобы ты была главной...

— ...в поисках? Кто? Я? — Рени боялась, что не справится, но всё же ответила королеве: — Благодарю тебя за доверие.

Прилла подумала, что Рени очень милая, но обладает ли она нужными для лидерства качествами?

— Видия... — сказала королева. — Видия, посмотри на меня.

— Да, дорогая, — Видия подняла глаза.

— Поиски окончатся неудачей, если ты будешь плохо себя вести.

— Плохо себя вести, дорогая?

— Я хочу, чтобы ты признала главенство Рени.

— Да, дорогая.

— И хорошо относилась к Прилле.

— Да, дорогая.

— И помогала ей.

— Да, дорогая.

— Хмм... — Ри знала, что обещания Видии немного стоят. Но другого выхода не было. Она попросила Теренса передать мешочек с пыльцой Рени. Он приподнял мешочек и повесил его Рени на плечо.

Феи были готовы отправиться в путь.

— Подождите!

Это Динь продиралась сквозь толпу.

— Вот. Мать-Голубка прислала Рени свой любимый кинжал. — Когда-то это была пиратская зубочистка. — Вот, возьми. А другой — у меня. — И она прикоснулась к ножнам, притороченным к её поясу.

Ри произнесла проникновенным голосом:

— Ведущие поиски, будьте осторожны, будьте добры друг к другу, будьте достойными феями острова Нетинебудет.

И они тронулись в путь.

Глава СЕМНАДЦАТАЯ.

Поиски начались. Феи направились к Пиратской Бухте.

— Может, бывает что-то вроде поискового... — начала было Прилла.

— ...таланта? — Рени стало жалко Приллу. — Да нет, талант — это немножко другое, — заметила она.

— Совсем другое! — разгорячилась Видия. — Например, если у тебя есть талант, дорогое дитя, то ты всегда с любовью и заботой относишься к тем, у кого такой же талант.

— Видия! — оборвала её Рени. — Мы все думаем и заботимся друг о друге. И относимся друг к другу с любовью.

— Я отношусь с любовью к Рени, — с нажимом сказала Прилла. Рени растрогалась, пустила слезу и достала из кармана носовой листочек.

— Дорогое дитя, мне всё равно, даже если ты меня ненавидишь. Но давай-ка узнаем, как к тебе отношусь я. Поглядим, не в быстром ли полёте кроется твой талант.

И Видия полетела, кинув через плечо:

— Догоняй!

Прилла изо всех сил махала крылышками. Она помогала себе и руками, и ногами. Ей не нравилась Видия, ей не так уж хотелось иметь с ней дело. Но зато ей очень хотелось её превзойти. И, конечно же, обрести талант.

Она надеялась, что ветер налетит и понесёт её. Только её одну.

Но никакого ветра не было. И как Прилла ни старалась, она могла лететь разве что чуточку быстрее, чем Рени. У неё не было ни малейшего шанса обогнать Видию. Та уже превратилась в едва заметную точку в отдалении.

Видия ждала их на берегу. Когда они поравнялись с ней, она заявила:

— Милое дитя, твой талант в том, чтобы не иметь таланта.

— Не слушай её, Прилла, — сказала Рени. — Видия, у нас слишком мало времени, чтобы тратить его на оскорбления.

— Драгоценная моя, у нас слишком мало времени, чтобы тратить его на копуш, — оборвала её Видия и полетела над морем.

Они пролетели три четверти мили и наконец достигли пиратского корабля. Ночь была такой тихой, что, казалось, можно было услышать, о чём думает остров. На «Весёлом Роджере» рулевой, сидевший у штурвала, клевал носом. Феи перелетали от иллюминатора к иллюминатору, стараясь понять, где находится Крюк. Они по ошибке влетели в каюту, где спала команда, но их прямо-таки отбросил назад могучий храп.

Три следующих иллюминатора вели как раз в каюту Крюка. Крюк тоже храпел, но его храп был каким-то аристократическим, утончённым. Он храпел как бы пятистопным ямбом, иногда сбиваясь на спондей. Прилла зависла над его письменным столом, на котором стояла ваза. В соответствии со странным вкусом Крюка из воды вздымались лишь обезглавленные стебли, а сами головки цветов были разложены вокруг вазы на столе.

Рени подлетела к постели. Там спал капитан Крюк, зажав в зубах мундштук, из которого торчали две незажжённые сигары. Крюк лежал на спине. Он сбросил с себя одеяло. Его огромная голова покоилась на смятой подушке, а рука сжимала шпагу, свисавшую с надетого поверх ночной рубашки пояса. Пока Рени на него смотрела, он слегка заворочался и почесал крюком своё брюхо.

И вдруг он перестал храпеть и заговорил. Прилла замерла от страха и чуть было не рухнула на пол.

— Капитан Джошуа Абрю, — бормотал Крюк. — Шестого марта двадцать второго года: прогулялся по доске. Утонул.

Глаза его оставались закрытыми, и феи догадались, что это он разговаривает во сне. Мундштук шевелился, но не выпадал у него изо рта.

— Капитан Джон Амбердинг, седьмого июля двадцать четвёртого года: отравлен. Капитал Харви Ардилл, восемнадцатого октября двадцатого года: доска, утонул. Капитан Вильям Балт, пятого января восемнадцатого года: доска, утонул.

Крюк перечислял убитых им капитанов по алфавиту!

«Как ужасно!» — подумала Рени. Вся оцепенев от страха, она всё-таки подлетела к Крюку и потянула мундштук. Тот не поддавался.

— Капитан Алистер Бедстед, — продолжал своё сонное бормотание Крюк. — Двадцать седьмого февраля двадцать первого года: проткнут крюком и повешен.

Рени подумала: «Когда он покончит с капитанами, наверное, начнёт перебирать их первых помощников!»

— Что же нам дальше делать, доро...

— ...гуша? — Рени вдруг захотелось, чтобы Ри назначила главной в поисках кого-то другого, а не её. — Ну, э-э-э... Ну вот как бы... — Она не знала что сказать.

— Капитан Саймон Бонтар, август...

— Может быть, если мы чуть-чуть обождём, — сказала Прилла, — что-нибудь произойдёт?

Других идей не было, так что феи уселись в кругу розовых цветков на письменном столе. Прилла была горда тем, что её предложение приняли. Рени пыталась придумать способ, как добыть мундштук, но в голову ей ничего не приходило.

Ну а если даже они его добудут, Рени вовсе не была уверена, что им хватит сил донести такую тяжёлую вещь. Мундштук был длиной в пять с половиной дюймов, да ещё инкрустирован изумрудами. Даже и без обеих здоровенных сигар, он всё равно представлял собой непомерный груз. Можно, конечно, использовать немного пыльцы, чтобы сделать мундштук полегче, и всё же доставить его на берег — целое дело.

Ровно час прошёл, а Крюк всё перечислял имена убитых капитанов.

Рени попыталась заглушить его бормотание, насвистывая русалочьи песенки. Она страшно тревожилась. Если они потратят на Крюка целых три дня, то не успеют спасти Мать-Голубку. Видия сжала кулаки, хрустнув суставами пальцев. Прилла оказалась в спальне мальчика-неуклюжика. Он с жутко перепуганным видом сидел на кровати.

— Что случилось? — спросила фея.

— Там кто-то дышит под кроватью, — прошептал он. Прилла слетела на пол, посмотрела. Ничего там не было, кроме нескольких катышков пыли. Никаких чудовищ.

— Всё в порядке, — сказала она.

Она поднялась в воздух и очутилась на подушке у девочки, которая читала книжку под одеялом при свете фонарика. Прилла запрыгнула ей в ухо, но девочка ничего не заметила.

— У тебя в ухе фея, — сказала Прилла. Девочка подскочила и...

Прилла снова была на корабле. Крюк всё ещё сжимал мундштук зубами.

— А вы не любите дурачиться с детишками-неуклюжиками? — спросила Прилла у Рени и Видии.

— Дорогое дитя, с какой это радости? — фыркнула Видия.

— Я никогда не пробовала, — отозвалась Рени. — Мы не бываем на Большой земле.

Прилла подумала, может, это нехорошо, что она переносится на Большую землю? Она никогда не проделывала этого сознательно, но огорчилась бы, если бы это вдруг прекратилось.

Ещё один час миновал. Прилла снова побывала на Большой земле — в зоопарке и на катке. Но ничего не сказала об этом феям. Крюк добрался до буквы Н.

— Рени, дорогая, если ты не перестанешь свистеть, — предупредила Видия, — получишь...

— ...по губам! Хорошо, больше не буду.

А Прилле нравилось, как Рени свистит. И она подумала, что, раз Рени главная, она должна была бы постоять за себя.

И третий час прошёл. Скоро начнёт светать, и Крюк проснётся. А уж если он проснётся, то мундштука им не видать.

Глава ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Динь провела ночь возле Матери-Голубки. Время от времени та просыпалась, оплакивая своё яйцо. Динь каждый раз подходила к ней, гладила перышки и просила:

— Не плачь. Постарайся уснуть.

Только Мать-Голубка не могла не плакать. Правда, время от времени она задрёмывала. А потом снова и снова просыпалась.

На пиратском корабле прошло ещё полчаса. Крюк добрался до буквы Р.

— Драгоценные мои, неужели вы не можете придумать ничего толкового?

«Видия сама-то тоже не выдвинула никаких блестящих предложений», — подумала Прилла.

— А что, — сказала она вслух, — если я попытаюсь пощекотать ему пятки? Может, он тогда мундштук изо рта...

— ...выпустит. — Рени вытерла вспотевший лоб. Если Крюк даже и выпустит мундштук изо рта, Рени сомневалась, что они с Видией вдвоём смогут его поднять. Но другого выхода не было.

— Хорошая мысль, — сказала она Прилле. — Только подожди, пока мы с Видией будем готовы.

Прилла подлетела к Крюку и увидела у него на левой ноге странное родимое пятно. Оно было в форме сабли, из-под которой капала кровь. Фея застыла от ужаса.

Рени и Видия заняли позицию под мундштуком. Прилла взяла себя в руки и пощекотала Крюковы пятки. Но Крюк не боялся щекотки.

Прилла подлетела к Рени, и феи зависли в воздухе над лицом Крюка.

«Ой, какой урод, — подумала Прилла. — Кожа у него точно восковая свечка!»

— Я хочу кое-что попробовать, — сказала Рени. — Побудьте возле мундштука.

Рени подлетела к самому уху Крюка и прокричала:

— Открой рот!

Она понимала, что во сне он вряд ли её услышит, но, может, всё-таки как-то отреагирует...

Однако ничего не произошло.

Она крикнула погромче, отчётливо произнося каждый слог:

- ОТКРОЙ СВОЙ РОТ!

«Ну пожалуйста, — приговаривала она про себя, — ради Матери-Голубки и всех фей».

Но ничего не происходило.

— Открой рот, ты, убийца! — крикнула она изо всех сил и ткнула его в щёку острым носком своего сделанного из кожи осы ботинка.

Ох! Крюк разинул рот от удивления. Видия и Прилла схватили мундштук.

Крюк окончательно проснулся. Он вскочил, выхватил шпагу и стал отчаянно махать ею, разрезая воздух.

— Ты у меня узнаешь, негодяй! — кричал он, радуясь случаю ещё кого-нибудь прикончить.

Мундштук был слишком тяжёл для Видии и Приллы, и всё же они постарались смягчить его падение. Рени хотела им помочь, но боялась попасть под удар шпаги.

Мундштук плавно опустился на пол.

Крюк почувствовал, что его шпага рубит один только воздух.

— Где ты есть, подлая душа? — вопил пират. Перестав размахивать оружием, он принялся вглядываться в темноту.

Рени опустилась на пол рядом с мундштуком. Они с Приллой посыпали его пылью. Видия могла бы добавить к этому немного своей «живой пыли», мундштук стал бы от этого ещё легче. Но она предпочла сберечь всю пыльцу лично для себя.

Крюк подумал, что укол в щёку просто ему приснился. Он оставил шпагу в покое, и тут заметил, что мундштука у него во рту нет.

Видия и Рени вертели мундштук так и этак, а Прилла старалась вытащить из него сигары.

Крюк увидел мундштук на полу и потянулся к нему. Но тот вдруг у него на глазах шевельнулся. Это Прилла сумела наконец выдернуть одну сигару. Когда Крюк увидел, как мундштук и сигара передвигаются сами по себе, то отшатнулся. Привидение! Ему показалось, что из двери потянуло сквозняком.

Но вообще-то Крюк не боялся людей, ни живых, ни мёртвых.

— А ну, дух, отправляйся-ка назад к Дэви Джонсу*, в преисподнюю! — завопил он, снова выхватив шпагу и опять принявшись ею размахивать. При этом он ещё колотил по воздуху крюком.

Феи боялись шелохнуться. Им казалось, что дверь каюты от них далеко-далеко. Рубанув своей шпагой, Крюк случайно срезал с платья Рени один из карманов.

«Его надо как-нибудь отвлечь», — подумала Прилла. И, несмотря на сковывавший её ужас, начала кружиться возле пирата. Потом подлетела к его голове и изо всех сил дёрнула за завивающиеся штопором кудри. Крюк рывком повернулся вокруг себя.

* Дэви Джонс — английские моряки называли так дьявола, морского чёрта.

— Где ты, трус? Покажись! — крикнул он.

Рени и Видия снова как следует потрясли мундштук, из него выпала и вторая сигара. Мундштук и без сигар был достаточно тяжёл, но им всё же удалось приподнять его. Они полетели в сторону двери. А Прилла продолжала трепать Крюку кудри.

Он снова взмахнул шпагой — и опять попусту. Потом резко развернулся на пятках и увидел, как его мундштук летит к двери по воздуху.

«Да тут целых два привидения, — подумал пират. — Одно дёргает меня за волосы, а другое ворует мой мундштук».

Он бросил шпагу и схватил то привидение, которое дёргало его за кудри. Потом он взмахнул крюком, чтобы поймать второе. Но Рени и Видия успели прошмыгнуть в дверь.

Крюкова лапища крепко сжимала Приллу.

Глава ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Крюк увидел в иллюминатор, что его мундштук сам по себе летит над волнами. Когда тот скрылся из виду, Крюк переключился на свою добычу. Голова Приллы торчала из кулака, но пират не мог разглядеть её в темноте. Тем не менее он знал, что поймал нечто, и это нечто не было привидением.

Он плотно сжимал кулак, и Прилле было не вывернуться. Её крылышки смялись, и ей пришлось бы совсем худо, но дело в том, что фейские крылья не ощущают боли.

Крюку нужен был свет, чтобы хорошенько рассмотреть, что попало ему в лапу. Он пошёл искать свой фонарь. На ходу он ещё плотнее стиснул пальцы, так что Прилле было не вздохнуть и не вскрикнуть. Правда, кричи не кричи, толку от этого не было бы никакого.

Рени и Видия летели над морем. Рени мучила совесть из-за того, что они оставили Приллу одну. Конечно, они за ней потом вернутся, но ведь к тому времени Прилла может и погибнуть.

Мундштук с каждой секундой казался всё тяжелее и тяжелее. Несмотря на неимоверные усилия, они с Видией теряли высоту. Если бы Видия с самого начала посыпала мундштук живой пылью, он был бы намного легче. Но она об этом даже не думала, потому что никогда не винила себя ни в чём. Наоборот, её бесило, что Рени не может лететь быстрее.

Берег находился примерно в полумиле от них, и при такой скорости было весьма сомнительно, что они сумеют до него добраться.

Прилла жалела, что у неё нет такого же кинжала, как у Рени. Она жалела, что вся не вымазана маслом, чтоб можно было выскользнуть из Крюковой лапищи. Она жалела, что не может вдруг исчезнуть с корабля и оказаться рядом с Рени и Видией.

Крюк, не разжимая пальцев, стал зажигать фонарь с помощью своего крюка и зубов. Он уже раньше наловчился это делать в одну минуту.

У Приллы мелькнула надежда. Он разожмёт кулак, чтобы поглядеть на неё, и тогда она сможет улететь. Конечно, если он не повредил ей крылья.

Рени и Видия летели уже совсем низко над водой. К их облегчению, ветер подул им в спину. Это помогло какое-то время не терять высоты. Но Рени уставала всё больше и больше.

Крюк сумел зажечь фонарь. Он подошёл к иллюминатору и задраил его. Затем он направился к двери. Для Приллы готовилась ловушка.

Рени и Видия боролись с потоком воздуха, который прижимал их к воде. Видия уже почувствовала брызги волн на своих лодыжках.

Крюк был уже в трёх шагах от двери. Прилла в отчаянии вгрызлась в его указательный палец так сильно, как только могла. Она выплюнула его кровь, ярко-красную, отравительную, вкусом напоминавшую заплесневелый сыр. Потом укусила его снова. И ещё раз. Побывавший в стольких битвах, Крюк был достаточно равнодушен к боли. Он сделал ещё два шага, прежде чем поглядел на свою руку...

И увидел кровь. Единственное, чего боялся капитан Крюк, — так это тикающего крокодила и вида своей алой крови. Он вскрикнул и разжал кулак. Прилла чуть было не ударилась об пол, но крылья её успели расправиться, и она полетела. Она вылетела из каюты, потом рванулась вверх над коротким пролётом лестницы, ведущей на палубу, и понеслась над волнами, торопясь догнать Рени и Видию.

Море было огромным. Прилла старалась отыскать глазами их огоньки, но уже стало светать, а при дневном свете фейское свечение не было так уж заметно.

Прилле показалось, что она разглядела какую-то искорку в отдалении. Она устремилась туда, в душе надеясь, что это всё-таки не Рени и Видия. Уж очень близко к

воде была эта искорка. Прилла прибавила скорость, хотя после борьбы с Крюком сил почти не осталось.

— Я лечу к вам! Не тоните! — прокричала она. Но её голос заглушил плеск морских волн.

От берега фей отделяла всего четверть мили, но Рени и Видия опустились ещё на один дюйм... Прилла приближалась к ним, но не так быстро, как надо бы.

Рени уже подумывала, не посоветовать ли Видии бросить мундштук и спастись.

И ещё одним дюймом ниже.

— Бросай! — крикнула Рени, сама продолжая цепляться за мундштук.

Но Видия тоже не хотела сдаваться.

— Нет! — крикнула она в ответ.

— Я лечу к вам! — раздался голос Приллы.

Но ей было никак не поспеть вовремя. Надежды не оставалось.

Глава ДВАДЦАТАЯ.

На этом поискам мог настать конец. Рени, Видия и Прилла могли бы утонуть. Но остров Нетинебудет этого не хотел. Он следил за ними, невидимо их ободрял и поддерживал. В его планы не входило, чтобы они потерпели поражение. Он взял и пододвинул берег к ним поближе. Когда Рени и Видия свалились в море, приготовившись умереть, оказалось, что вода доходит им всего лишь до колена.

Их настигала волна. Они из последних сил рванулись к берегу, подтащив мундштук, и рухнули на песок. Но оставаться там было опасно. На таком открытом месте можно было сделаться жертвой ястреба. Совершенно изнемогая, феи поволокли мундштук под укрытие нависающей над пляжем скалы. Прилла подроспела и помогла.

И все трое свалились без чувств.

Холодный осенний ветер гулял по острову, хотя раньше Нети-небудет не знал ни осени, ни зимы, а только весну и лето.

Питер Пэн проснулся и увидел рядом с собой на постели дюжину молочных зубов. Сми, боцман на пиратском корабле, никак не мог вспомнить, куда он подевал свои очки. У медведя, живущего на острове, что-то уж очень разболелись коленки. Он чувствовал, что в воздухе носится запах улья, но никак не мог определить, откуда он исходит — с севера или с юга.

Возле Дерева-Дома королева Ри ёжилась от холода в своём лёгоньком, сшитом из папоротника одеянии. Воробьиный человечек подбежал к ней со странной новостью: во всей округе за одну ночь поспели и попадали с веток орехи. Сначала она даже

обрадовалась. А потом поняла: муки из этих орехов всё равно не сделать, мельница не будет молотить без пыльцы. И все умрут с голоду.

В полусне Мать-Голубка подумала: «А где же яйцо? Почему я его не чувствую?» И тут же всё вспомнила. Сердце её сжалось. И ещё за эту ночь что-то случилось у неё с глазами, она видела всё точно в тумане.

Она повернула голову, ища взглядом Динь.

— Я здесь, — сказала Динь, стараясь улыбаться, чтобы только не заплакать.

Мать-Голубка прошептала:

— Поговори со мной.

Динь не знала что и сказать. Потом вспомнила про сковородки и кастрюльки, которые лежали на её рабочем столе.

— Дульси принесла мне на прошлой неделе формочку для печенья, — начала она. — Формочка не желала вырезать из теста ничего другого, кроме клеверных листочков. Дульси пробовала...

Если бы Мать-Голубка была здорова, она бы с интересом выслушала всё, что рассказывала ей Динь. Но сейчас она не могла сосредоточиться.

— Не надо про формочки, Динь. И про кастрюльки тоже.

Не надо про кастрюльки? Но Динь больше ни о чём не умела вести беседу. Фея задумалась на целых пять минут. Она вынула свой кинжал и стала вертеть его в руках. Затем заговорила:

— При нашей первой встрече с Питером Пэнном я спасла его от акулы. — Она до сих пор никому об этом не рассказывала. Она вообще не любила говорить про Питера.

«Так-то лучше», — подумала Мать-Голубка. Она устроилась поудобнее и заставила себя слушать Динь.

Прилла очнулась вскоре после полудня, стряхивая с себя сны про детей-неуклюжиков. Рени и Видия ещё спали, и она побоялась их будить. Видия наверняка подпустила бы шпильку насчёт таланта будить фей именно в тот момент, когда им больше всего хочется поспать.

Прилла вздохнула. Она решила попробовать перенестись на Большую землю не случайно, а намеренно. Может, этого и не стоило делать, но оказываться там было так занятно... И, если подумать, какая в том беда?

Она закрыла глаза и представила себе комнату, где мальчик слышал какие-то звуки из-под кровати. Там стоял прислонённый к стенке велосипед. И было открыто окно. А с карниза свисали голубые в белую полоску занавески. Она попыталась переместиться туда.

Прилла открыла глаза. Нет, ничего такого не произошло. Она снова закрыла глаза и представила себе туннель. Там были холодные каменные стены, закруглённый потолок и грязный пол. Она постояла там, привыкая. А на другом конце, как она старалась себя уверить, была Большая земля. Ей показалось, что всё удалось. Она вообразила, что покинула остров Нетинебудет.

Прилла снова открыла глаза. Рядом с ней Рени повернулась на бок во сне. Никакой Большой земли!

Хотя Прилла пока этого не знала, она своими попытками положила начало чему-то чрезвычайно важному. Это станет ясно некоторое время спустя.

Глава ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Динь замолчала. Она ещё никогда не чувствовала себя настолько уставшей, хотя ничего такого и не делала — всего-навсего рассказывала всякие истории. Она поведала Матери-Голубке о Питере и об их былой дружбе. Она рассказала, как он шутил, и какие откалывал номера, и как всё это ей нравилось когда-то. Чрезвычайно нравилось, чрезвычайно...

Питер и не думал отвечать ей взаимностью. Он вообще никого не слушал и не восхищался ничем, что исходило не от него самого.

Динь призналась Матери-Голубке, что на какое-то время даже забросила свои кастрюльки и сковородки ради Питера. Она не произнесла: «Я его любила», — но смысл её рассказов был именно таков.

— Волосы у него были такие шелковистые, — говорила она, — я любила взобраться ему на голову, чтобы дотронуться до них. А нос! Мне достаточно было посмотреть на его нос, чтобы понять, что он улыбается. Нос становился каким-то плоским, когда он улыбался, и морщился, если он смеялся.

Словом, она рассказала обо всём и лишь не хотела упоминать о том времени, когда она почувствовала, что её предали. И неловко, и больно было об этом говорить.

Но Мать-Голубка сказала:

— Продолжай.

Динь подёргала себя за чёлку.

— Это слишком печально, — отозвалась она, надеясь, что ей удастся избежать этой темы.

— Продолжай, — повторила Мать-Голубка. Какая печаль может сравниться с утратой яйца?

Динь кивнула.

— В первый же день, когда я спасла его от акулы, я показала ему мою мастерскую. Всё-всё показала. Он смотрел, как я чинила кастрюлю.

Тут она всхлипнула, и слёзы потекли у неё по щекам. Горькие воспоминания оказались такими живыми, точно всё происходило только вчера.

— А когда я закончила работу, — она снова всхлипнула, — он сказал... он сказал: «Какой я умный, что взял себе в подружки самую лучшую фею». — Динь отвернулась и расплакалась.

— Он вовсе так не думал, — продолжала она. — Если он на самом деле считал, что я лучшая, зачем он приволок на остров эту Венди? — Динь, рыдая, рухнула на песок. — Зачем он проводил с ней всё своё время?

Мать-Голубка на мгновение отвлеклась от своего горя. «Бедная Динь, — подумала она. — Надо же, она до сих пор держала всё в себе и ни с кем не делилась...»

Рени и Видия спали почти до самого заката.

— Дорогое дитя, — сказала Видия, проснувшись, — что же ты не разбудила нас? Ты думаешь, нам можно терять время? Ты так думаешь, да?

Даже Рени заметила, что Прилла могла бы быть посообразительней. Прилла с тоской подумала, что сообразительность — это тот талант, которого у неё тоже нет.

Взявшись все вместе, они оттащили мундштук в сарай на Площади Фей. Как и обещала Ри, там лежало разбитое яйцо и стояла маленькая тележка, к которой были прикреплены воздушные шарики, посыпанные пылью. К тележке был привязан шнурок, за который феи могли везти её по воздуху.

А ещё королева приготовила для них сюрприз: их ждал шоколадно-инжирный пирог, который испекли ещё до урагана, но покрыли свежей глазурью. Глазурь была белая, а на ней красными буквами было написано: «Поздравляю с первым успехом!»

Рени решила, что теперь они отправятся на поиски пера золотого ястреба, потому что в Русалочьей лагуне ночью может быть опасно. Русалки ночами заводят свои самые таинственные песнопения. Неуклюжики от этих звуков часто теряют рассудок, а феи так и вовсе превращаются в летучих мышей. Даже рыбы стараются не заплывать в лагуну по ночам.

А отправиться к ястребу ночью было как раз очень даже разумно. Рени сняла перекинутую через плечо лямку мешочка с пыльцой, развязала его и сыпанула понемногу на каждую из участниц поисков.

Пыльцы оставалось всего на два дня.

Расстояние от Площади Фей до реки зависело от того, какого размера захочет быть остров Нетинебудет. Сегодня его размеры были довольно внушительны, так что им предстоял немалый путь.

Феи пролетели над банановым лесом, с которым жестоко обошёлся ураган. Пролетели над деревней банановых фермеров тиффинов. Тиффины, у которых уши как у слонов, росточком доходят неуклюжикам примерно до пояса. Однако речь сейчас не о них. Заметим лишь, что феи с ними торгуют.

Похолодало. Прилла и Видия размахивали в полёте руками и ногами, чтобы согреться. А Рени было как всегда жарко, и она вытирала пот своим носовым листочком.

Видия то улетала вперёд, то возвращалась и критически наблюдала за полётом Приллы и Рени.

— Дорогушечки, — сказала она наконец, — вы так смешно машете крыльями! Непонятно, как вам вообще удаётся лететь.

Ни Прилла, ни Рени даже и не подумали ответить. Они волновались за Мать-Голубку. Прилла надеялась, что та не очень плоха. А Рени надеялась, что та пьёт достаточно жидкости. Они обе отказывались верить, что Мать-Голубка к этому времени могла уже умереть. Но где-то на краю сознания этот страх всё-таки гнезвился.

После того как погибло яйцо, золотой ястреб стал что-то очень быстро уставать. Когда стемнело, он был рад вернуться в своё гнездо, которое было устроено на верху самого высокого из стоячих камней на другом берегу широкой реки.

Видия вспомнила, что ястребы обычно сваливаются с неба и, не медля ни секунды, накидываются на свою жертву. «Вот бы и феи могли бы так же!» — подумала она.

Золотой ястреб весь день летал позорно низко. Ему было боязно «сваливаться с неба». Он страшился разбиться о землю.

Рени слышала, что у золотого ястреба завораживающий взгляд. Как только он уставится на тебя своим взглядом, так ты теряешь волю и даже не можешь двинуться с места.

Зрение золотого ястреба ослабело. Он всегда мог летать как угодно высоко и при этом различать каждую травинку на лугу. Но сегодня он видел внизу только зелёное расплывшееся пятно. И хуже того: он два раза за день принял за кролика простой камень.

В конце концов он схватил было белку, но та мазнула его хвостом по глазам и удрала. Никогда ещё он не терпел такого унижения.

Через три часа феи достигли реки и двинулись вверх по течению. Видия, летевшая впереди, заметила гряду стоячих камней, окружённых соснами.

Феи опустились на верхушки деревьев и стали осторожно приближаться к гнезду. Ястреб был в гнезде — тёмным силуэтом он выделялся на фоне звёздного неба.

Ястреб не спал. Он промёрз до костей. Он боялся свалиться с камня.

Глава ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Рассказав Матери-Голубке о Питере, Динь испытала облегчение. Ей стало легче двигаться. Легче дышать. У неё прояснились мысли. Она даже сумела вспомнить ещё несколько забавных историй, от которых у Матери-Голубки загорелись глаза. Правда, только на минуточку.

Но когда наступила ночь, Голубка перестала слушать. Её голова беспомощно свесилась набок, а когда она уснула, дыхание её было более стеснённым, чем в прошлую ночь. Каждый выдох вырывался с хрипом, её тело пробирала дрожь. Динь прислушивалась, боясь, что следующий вдох окажется последним.

Ещё всего только двумя днями раньше ястреб обязательно уловил бы приближение фей. Но сейчас он ничего не услышал. А они подбирались к нему. Храбро — восемнадцать дюймов вперёд. В страхе — двенадцать дюймов назад. И вот уже их отделяло от него не более ярда. Он сидел, не шевелясь.

— Он не кажется золотым, — прошептала Прилла. — Он какой-то коричневый.

— Вот уж будет глупо, дорогие мои, если нас сожрёт не тот ястреб, который нам нужен, — съехидничала Видия.

В это время ястреб взъерошил перья. Они блеснули золотом.

— Рени, солнышко, а кто вытащит...

— ...перо? — Рени прекрасно отдавала себе отчёт в том, что она ни за что на свете не сможет выщипнуть перо у живого существа. Логично было бы поручить это Видии, у той уже был опыт. Только Рени не хотела подвергать опасности её одну.

Она достала кинжал, которым её снабдила Динь.

— Видия, перо вытащишь ты, — сказала она. — А я подлечу и расположусь против его брюха. Если он на тебя нападёт, я проткну его кинжалом. Прилла, а ты покружись возле его головы. Только осторожно — держись подальше от клюва.

«Как же я с этим справлюсь? — подумала Прилла. — Впрочем, кто знает, может, у меня талант уворачиваться от клювов?»

Она послушно заняла позицию, как было велено. Крылышки её трепетали от страха.

Рени поместилась перед ястребом, держа кинжал наготове. Видия притронулась к перу на крыле птицы. Ястреб не почувствовал её прикосновения, но ощутил какое-то тепло возле головы и у живота.

Видия потянула перо. Ястреб дёрнулся. Что это? Кто-то собирается его убить? Ничего-ничего. У него оставалась ещё защита — магическая способность разделять с обидчиком ту боль, которую испытывал он сам. Он постарался к этой способности прибегнуть.

Боль распространилась у Видии по руке. Она продолжала тянуть, хотя боль усиливалась. Перо никак не вытаскивалось. Она стиснула зубы и потянула сильнее. Перо стало поддаваться. Она потянула ещё сильнее. Потом дёрнула что было мочи.

Вспомните, когда у вас что-то болело. Закройте глаза и представьте это себе. Может, боль Видии и ястреба была слабее вашей. А может, сильнее. Но, во всяком случае, это была самая сильная боль, какую им до сих пор доводилось испытать.

Они оба закричали так пронзительно, что даже маленькая звёздочка на небе мигнула.

Потом боль отступила, и перо оказалась у Видии в руках. Феи полетели прочь так быстро, как только могли. Прилла обернулась и крикнула:

— Спасибо, мистер Золотой Ястреб!

Ястреб не слышал. Он сидел, раскачиваясь на своём камне. От только что пережитой боли у него кружилась голова.

Видия вскоре оставила Приллу и Рени далеко позади.

Ей бы самое время осознать, как больно, когда заживо выщипывают перо. Ей бы признать, как жестоко она не раз обходилась с Матерью-Голубкой. Ей бы понять, что боль — это боль, всё равно, твоя она или чужая. Ей бы поклясться, что больше она никому не причинит боли намеренно.

Но вместо этого она убедила себя, что это ястреб обошёлся с ней жестоко. Что он сделал так, чтобы ей было больней, чем ему.

Уже начинало светать, когда феи опустились на Площадь Фей. Видия вынула перо, которое прятала под своей блузкой. Рени и Прилла приблизились, чтобы посмотреть на него. Снаружи перо казалось коричневым, но обратная сторона действительно была золотой. Прилла притронулась к нему, ощутив металлический холодок.

Видия положила перо рядом с мундштуком и разбитым яйцом. Феи, свернувшись калачиком, прилегли в сарайчике, где никакие ястребы им были не страшны.

«Мы преуспели дважды, — проговорила про себя Прилла. — Может, нам удастся спасти Мать-Голубку?»

Прежде чем заснуть, она вновь попыталась перенестись на Большую землю. Она закрыла глаза и опять представила себя в туннеле, а Большую землю — в самом его конце. Она полетела вдоль туннеля, рисуя перед мысленным взором девочку-неуклюжика, лежащую в постельке в обнимку с плюшевым моржом.

Ей и в самом деле удалось опуститься на подушку к настоящей девочке.

Только эта девочка обнимала плюшевого пеликана. Она открыла глаза и спросила:

— А ты знаешь, сколько будет девять целых и четыре десятых умножить на тридцать пять?

Прилла покачала головой. Математического таланта у неё тоже не было. Она вызывала разочарование даже на Большой земле!

Глава ДВАДЦАТЬ ТРЕТья.

Наутро земля возле боярышника подёрнулась льдом. Мать-Голубка чувствовала себя такой старой, будто прожила тысячу лет. Динь стала кормить её завтраком — ложечку за ложечкой. Проглотив пару ложек, Мать-Голубка сказала:

— Убери это.

— Ну ещё пару ложечек! — упрашивала Динь.

Мать-Голубка согласилась. Динь сделалась хорошей сиделкой. Право же, чудеса случаются, даже когда кругом царят ужас и разорение.

Когда три феи вышли из сарая, то обнаружили возле двери корзинку с едой. К ней была приложена записочка от королевы Ри:

«Я так горжусь, что вы и во второй раз достигли цели!

Наши мысли всё время с вами».

«Королева гордится мной — подумала Прилла, — хоть у меня и нет никакого таланта. Мной гордится! Хотя мне всего четыре дня от роду».

Рени улыбнулась ей, и она тоже ответила улыбкой. После завтрака все трое полетели к лагуне. Рени всё время обдумывала план, как им добыть русалочий гребень. Как сделать, чтобы русалки обратили на них внимание.

Если хотите знать истинную правду о тамошних русалках, так я скажу вам: они зазнайки. Если у вас нет зелёного хвоста и вы не обладаете голосом сирены, то они не сочтут вас достойными внимания.

Они не общаются ни с неуклюжиками, ни с феями. Правда, они любят Питера. Он порой и сам ведёт себя как зазнайка. И он так ловко умеет притворяться, будто у него есть хвост, что русалкам даже кажется, что они этот хвост видят.

При приближении фей русалки всегда ныряют в воду. Весело хохоча, они уплывают в свой подземный дворец. Дворец такой ажурный, прямо как скелет золотой рыбки. У него нет стен. И он весь просматривается насквозь. От гостиной аж до комнаты служанок. Правда, есть во дворце одно огороженное стенами помещение. Русалки стараются это скрыть. Эта комната заполнена не водой, а воздухом. Дело в том, что русалки острова Нетинебудет не могут постоянно находиться под водой. Их жабры устают, и им требуется воздух. И если им неохота подниматься наверх, то они отправляются в эту, как они её называют, «ветреную комнату».

Когда феи оказались на берегу лагуны, они заметили только двух русалок, которые загорали на Маронской скале. Те сплетничали на русалочьем языке — это такой

язык, в котором во всём алфавите тридцать восемь гласных и ни одной согласной. Но когда русалки хотят, они прекрасно умеют объясняться с неуклюжиками и феями.

— Миленькие, — начала Видия, — они ведь тут же унырнут, как только мы...

— ...приблизимся к ним. Но что же нам ещё делать? — спросила Рени.

Прилле тут же захотелось, чтобы у неё открылся талант общаться с русалками.

— Сердечко моё, нам надо написать записку, — сказала Видия. Рени кивнула. Это была неплохая мысль. Русалки могли бы прочесть записку.

Но у фей не было ни на чём, ни чем писать.

Видия вызвалась слетать к Ри и попросить её написать записку.

— Я вернусь, вы даже не успеете...

— ...моргнуть, — договорила Рени.

— ...вздыхнуть, — поправила её Видия и улетела.

— Давай пока попробуем с ними поговорить, — предложила Рени.

Рени и Прилла полетели над водами лагуны. Рени тронула Приллу за плечо, и они зависли как раз там, где русалки могли бы их заметить.

Прилла разинула рот от удивления.

Представьте себе, как нежно звучит флейта. Представьте себе, как бодряще пахнут сосновые иголки. Подумайте о холодном лимонаде, пузырьки которого щекочут вам горло. Ну вот, теперь вы поняли, что такое русалки.

Рени глядела, как одна из русалок плеснула водой себе в лицо. А другая нырнула глубоко-глубоко. Первая засмеялась, когда её накрыла волна. Ох, как Рени хотелось бы самой очутиться в прохладных волнах!

Прилла углядела трёх русалок, которые резвились, перекидывая друг другу огромный пузырь — то головами, то хвостами. Как интересно было бы присоединиться к их игре!

Прилла и Рени пролетели чуть дальше.

— Помогите нам! — крикнула русалкам Рени. — Останьтесь, не ныряйте!

Но русалки тут же нырнули в глубину. Рени и Прилла повернули обратно к берегу.

— Может, они прочтут записку, — сказала Прилла. — Вряд ли они так уж часто получают письма.

Феи достигли берега как раз в тот момент, когда Видия вернулась с запиской от Ри. Она была написана на лоскутке материи несмываемыми чернилами из малинового сока.

«Дорогие русалки, пожалуйста, дайте моим феям гребень,

он нам очень нужен, чтобы вернуть волшебство нашему острову.

Заранее благодарю. Королева фей».

Феи решили найти что-нибудь, что послужило бы грузом. Иначе как же опустишь записку на дно? Русалки любят всякие хорошенькие вещички, поэтому феи стали искать что-нибудь покрасивее. Через несколько минут Прилла наткнулась на блестящий голубой камешек, торчавший из песка. Феи завернули камешек в записку и обвязали жёлтой ленточкой, которую Видия принесла с собой. Потом они немного облегчили свою посылку, посыпав её пылью, и понесли над волнами. Долетев до того места, где резвились русалки, они бросили камень с запиской в воду.

Потом они вернулись на берег и стали ждать. Рени опустилась на песок и уставилась на воду с неотступной мыслью о Матери-Голубке. Видия тоже думала о ней — точнее, о её перьях. Прилла стала строить песчаный замок.

Она вдруг оказалась на пляже на Большой земле. Она летала туда и сюда, глядя на то, как дети-неуклюжики строят свои песчаные замки. Вернувшись на остров, она уже знала, что песок для постройки должен быть влажным. Она подошла к самой кромке воды.

— Дорогое дитя, если ты намочишь крылышки, то уже будешь ни на что не годна, — слышался голос Видии.

Прилла попятилась от воды. Она понимала, что Видия права. И всё-таки ей хотелось, чтоб у Видии не было этого дополнительного таланта — делать из неё дурочку.

У Матери-Голубки ноги точно кололо иголками и булавками. Она было поднялась, чтобы усесться как-то иначе, но ноги у неё тут же подкосились. С болезненным вскриком она рухнула на землю.

Динь растерялась. У неё не хватило бы сил устроить Мать-Голубку поудобнее. И рассказывать ей уже было нечего. Но тут она вспомнила про свою миниатюрную арфу. Она достала инструмент из кармана. Её пальцы так и тянулись сыграть траурную песнь, но она заставила их исполнить любимую мелодию Матери-Голубки «Песенка фейской пыльцы».

Мать-Голубка прислушалась к звукам музыки и постаралась не думать о своём искалеченном теле и о своём погибшем яйце.

Два часа прошло, но русалки всё не показывались. Феи начали терять надежду. Надо заметить, русалки на этот раз вовсе и не важничали. Они просто ничего не поняли. И трудно их в этом винить. Ну представьте себе, что вы — русалки. К вам на дно падает нечто перевязанное ленточкой. На что вы прежде всего обратите внимание? На обёртку? Или на то, что в неё завернуто?

Русалкам и в голову не пришло присмотреться к обёртке. Они развязали ленточку и увидели красивый голубой камешек. Они залюбовались им, стали передавать из рук в руки. А потом отнесли его в свою сокровищницу. При этом записка так и валялась на дне, пока морская звезда не приспособила её вместо одеяла.

А на берегу Прилла сказала:

— Как плохо, что мы не можем спуститься на дно и всё им растолковать.

Она думала: «Вот бы мне талант докрикиваться до русалок сквозь водную толщу».

Слова Приллы натолкнули Рени на одну мысль.

— Дорогушечки, давайте перестанем терять... — начала было Видия.

— ...время, — закончила за неё Рени. — Помолчи, Видия. Я думаю.

Рени стала перекачивать в уме неожиданную мысль.

Получится ли у неё? Сможет ли она принести такую жертву? А если нет, то как поступить?

Время шло. Русалки не появлялись. Ничего другого не приходило Рени в голову.

Она достала кинжал, который дала ей Динь, и заплакала. Потом протянула кинжал Видии.

— Я нырну к русалкам на дно, — сказала она. — Я выпрошу у них гребень. Обрубите мне крылья.

Глава ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ.

Видия взяла кинжал из рук Рени.

— Обрубить тебе крылья?! — Первый раз в жизни в её голосе не звучала издёвка.

Рени храбро кивнула:

— Я всю жизнь мечтала поплавать.

Видия — та скорее бы согласилась умереть, чем лишиться крыльев.

— Милочка, но ведь они могут и не отдать тебе свой гребень!

— И тогда ты попусту утратишь крылья! — в отчаянии ломала руки Прилла. Это уж было похуже ястреба или пиратского капитана.

— Не говорите мне того, что я и так знаю! — крикнула Рени. Прилле хотелось воскликнуть, что уж лучше она сама откажется от крыльев, но слова как-то не шли у неё с языка. Вместо этого она спросила:

— А не будет ли тебе...

— ...больно? Нет, это не больно.

Вообще-то Прилла и сама знала. Она просто так, бездумно спросила. Крылья фей на острове Нетинебудет не подвержены боли. Если их отрезать, то это не больнее, чем постричь волосы.

Видия взмахнула кинжалом. И тут же его опустила. Опять подняла. И опустила снова. Она не могла выполнить просьбу Рени. Самая быстрая летунья, она была не в силах лишить кого-то крыльев. Она протянула кинжал Прилле.

— Дорогуша, лучше ты это сделай.

— Я? Нет! Только не я!

— Видия! — это был голос Рени.

— Я не могу, солнышко, я не могу!

— Прилла, — сказала Рени, — руби! Прилла покачала головой.

— Немедленно! Я тебе приказываю! — крикнула Рени.

Прилла взяла кинжал. Слезы застилали ей глаза, она почти ничего не видела. Она взялась за крыло в том месте, где оно соприкасалось с лопаткой. Потом опустила кинжал на крыло и тут же отскочила.

— Правильно, — сказала Рени. — Продолжай.

Прилла стала пилить кинжалом то, что походило на древесную ветку с ободранной корой.

Хорошо хоть, не было крови. Пилить было трудно, крыло оказалось очень плотным, дело продвигалось медленно.

Видия не могла вынести этого зрелища, она поднялась в воздух и стала летать вперёд вдоль берега.

Рени крикнула ей:

— Пригони сюда тележку с воздушными шариками. Тележка будет нужна, чтобы доставить обратно гребень и её,

Рени. Ведь без крыльев она больше не сможет летать.

— Продолжай, Прилла, — подбодрила подругу Рени. Крыло начало поддаваться.

— Я надеюсь, у меня нет таланта отрезать...

— ...крылья. — Рени засмеялась сквозь слёзы. — Погоди. — Она обернулась и обняла удивлённую Приллу. — У тебя талант быть доброй и милой. Давай, продолжай.

Тут Прилла могла бы разрыдаться сильнее, но она и так уж рыдала сильнее некуда. Её ещё никто ни разу не заключал в объятия. Через минуту она спросила:

— Что, и в самом деле бывает такой талант — быть милой?

— Нет. А надо бы, чтобы был.

— Ох, — вздохнула Прилла. — Ничего не поделаешь. Наконец-то первое крыло отрезалось. Со вторым дело пошло легче, потому что Прилла нащупала, где оно точно прикрепляется. Оно свалилось на песок. Прорези для крыльев на платье у Рени обвисли. Обрубки крыльев были молочно-белыми. Их поверхность была шершавой, с торчащими малюсенькими острыми шпилечками.

— Спасибо, Прилла.

У Рени не было сил взглянуть на свои крылья. Она направилась к воде и зашла в неё по пояс. Раньше она не смела настолько приближаться к озеру. Вода успокаивала её.

Прилла подумала, что отрезанные крылья совсем и не похожи на крылья. Они выглядели как костяные рамки, обтянутые прозрачной материей.

Но погодите! Они стали на глазах меняться. Рамки из невыразительно белых сделались розовыми и блестящими.

— Рени, погляди! — крикнула Прилла.

Рени выбежала из воды, крик Приллы напугал её.

Крылья потихонечку начали сами по себе вибрировать. Рени подумала, что они вот-вот исчезнут. Но они замерли. И вдруг сквозь «материю» блеснули крошечные бриллианты и аквамарины.

— Ой, какие красивые! — выдохнула Прилла.

Рени поуспокоилась. Раз её крылья стали выглядеть так прекрасно, значит, она поступает правильно.

Видия вернулась с тележкой с прикреплёнными к ней шариками.

— Ой, что это за красотульки такие?

— Это мои крылья, — с некоторой гордостью отозвалась Рени. — А теперь отвезите меня туда, где были русалки.

— Надо спрятать крылья в безопасном месте, — сказала Прилла. Она взяла оба крыла и ботиночки Рени и спрятала их под кучей досок и палок, которую накидали волны.

— Так до них не доберётся ветер, — сказала она.

Рени передала мешочек с пыльцой Прилле, затем села в тележку, и Прилла потащила её по берегу. Видия летела впереди. Когда они приблизились к Маронской скале, Рени прыгнула в воду.

Она нырнула в глубину. Наконец-то сбылась её мечта — вода окружала её со всех сторон. Рени то складывалась, то разгибалась, загребая воду вытянутыми руками.

Она открыла глаза. Мимо проскальзывали большие рыбы и маленькие рыбки. Были среди них ярко окрашенные, и серенькие, и почти совсем прозрачные. Рядом с ней, покачиваясь, проплыл морской конёк.

Но вдруг у Рени в лёгких закончился воздух. Она заработала руками, выбрасывая их вперёд, и ногами — как ножницами. Через несколько секунд её голова показалась над поверхностью воды. Над ней парили Видия и Прилла. Она помахала им рукой, набрала в грудь побольше воздуха и опять нырнула в глубину.

Глава ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Когда Рени опустилась ниже, то наткнулась на повернутое к ней, полное любопытства лицо. Русалка! Питер Пэн звал её Суп, потому что настоящее её имя выговорить никак не мог.

Русалки вообще-то не очень любопытны. Будь всё как обычно, Суп просто уплыла бы прочь, даже не оглянувшись на Рени. Но в тот день она поссорилась со своей лучшей подругой, и ей хотелось как-нибудь себя развлечь. Она протянула руку, чтобы помочь Рени опуститься на дно.

Рука у неё была длинная, длинней, чем у неуклюжиков. При необходимости она могла служить плавником, а ногти у русалки на руках тоже были как маленькие плавнички. Суп была ростом почти с неуклюжика. Но неуклюжей она не была. Она была так же изящна, как обвившийся вокруг её шеи длинный розовый шарф.

Суп не поняла, толи Рени просто бескрылая фея, то ли вообще какое-то доселе невиданное существо. Она приблизила к ней своё лицо. Рени с удивлением заметила, что кожа у русалок состоит из малюсеньких блестящих чешуек. Суп легонечко повернула Рени, поглядела на то место, где раньше были крылья, и поняла, что та сделала.

Когда она это осознала, с неё слетело обычное русалочье зазнайство. Она могла подобрать только одно объяснение принесённой феей жертве: та обрезала крылья, чтобы плавать в обществе русалок. Суп даже всплакнула немного, только Рени в воде не могла разглядеть слёзы, зато она увидела гребень в струящихся жёлто-зелёных русалочьих волосах.

Гребень был сделан из китового уса. А его зубья были расположены так, что казалось, будто это ощеренный в улыбке рот. Ручка была вырезана в форме акулы и инкрустирована четырьмя огромными жемчужинами.

— Добро пожаловать, феечка, — сказала Суп. Её слова так странно прозвучали в воде. Рени уловила только слово «феечка» и решила, что все остальные слова обозначали приветствие. Она не могла говорить, она просто улыбнулась. Можно было бы, конечно, присесть в реверансе, но из всех фей только Прилла знала, как это делается.

Суп указала рукой на подводный дворец, окружённый садами.

А Рени уже снова начинала задыхаться. Она умоляюще протянула руки, при этом сделав вид, что причёсывается.

Суп так и не поняла, что этот жест должен был выражать просьбу о гребне.

— У тебя волосы тоже красивые, — сказала она вежливо.

А Рени уже отчаянно нуждалась в глоточке воздуха. Она изобразила, как вынимает из своих волос гребень и даёт его Суп. Она рассчитывала, что Суп поймёт её намёк. А той показалось, что фея просто почесала голову.

Лицо у Рени налилось краской. Суп поняла, что ей нужен воздух. Она обхватила Рени поперёк туловища и потащила к «ветреной комнате». Рени попыталась освободиться... Лёгкие её разрывались. Чтобы вырваться, она даже решилась лягнуть русалку в руку.

— Я же стараюсь тебе помочь, глупышка, — сказала Суп, проплывая через арку, ведущую ко дворцу.

Рени не могла ничего видеть, потому что Суп загородила ей лицо шарфом. А не увидела она, как одна русалка качалась на водорослях, как на качелях. Три русалки с хохотом гонялись за вёрткой маленькой рыбкой и никак не могли её поймать. Две русалки пели дуэтом.

Суп набросила на себя шарф, чтобы никто не увидел Рени. Фея должна была оставаться её личным секретом.

У Рени стучало в ушах, ей казалось, что её лёгкие вот-вот разорвутся. Она продолжала лягаться, но с каждым разом всё слабее.

Суп поднялась на второй этаж подводного дворца. Рени в последний раздёрнулась и потеряла сознание.

— Что же нам теперь делать? — спросила Прилла. Время шло, а Рени так и не выныривала. Воздух у неё должен был закончиться по меньшей мере две минуты назад.

— Милое дитя, меня не спрашивай. Я тут не главная. Прошло ещё несколько минут.

— Ждать больше нет смысла, дорогое дитя, я удаляюсь, — заявила Видия.

— Пожалуйста, не надо, не надо! Но Видия полетела прочь.

— Прощай, дорогое дитя.

Впервые в своей жизни Прилла почувствовала гнев.

— Дорогая старая карга, если ты улетишь, а Рени вернётся с гребнем, то всё рухнет именно из-за тебя.

Видия обернулась.

— Дорогое дитя, Рени мертва.

— Нет! Нет! Мы же не знаем, что там происходит под водой.

— А почему именно из-за меня всё рухнет?

— Потому что мне одной не справиться с гребнем, Рени и тележкой.

Видии это как-то не приходило в голову. Она считала, что всё бесполезно, но тем не менее согласилась подождать ещё полчаса.

Прилла пристально смотрела на воду. «Рени, пожалуйста, не умирай», — приговаривала она про себя.

А в «ветреной комнате» Рени всё ещё неподвижно лежала на руках у русалки. Суп не могла понять, жива ли она. Не такое уж это весёлое развлечение — мёртвая фея. Она надавила Рени на живот.

— Фея, проснись!

Рени открыла рот. Горлом и через нос у неё хлынула вода. Она откашлялась и вдохнула воздух.

Мать-Голубка закрыла глаза, но Динь не думала, что она спит. Она просто не желала ни на что смотреть, и время от времени на щеке у неё подрагивала жилка.

«Это от боли», — сказала себе Динь. Ей хотелось что-нибудь сделать для Голубки, но что тут сделаешь? Она снова начала наигрывать «Мелодию фейской пыльцы» на своей карманной арфе. Она решила, что будет играть и играть, и, если даже пальцы её покроются волдырями, она пустит в ход пальцы ног.

Теперь, когда Рени продышалась, у неё появилась возможность объяснить, с какой целью она прибыла к русалкам.

Суп отлично могла себе представить, каково будет феям утратить возможность летать и вообще всё их фейское волшебство. Она охотно согласилась отдать Рени свой гребень. Тем более, что у неё и так было полно гребней и расчёсок.

Но она хотела кое-что получить взамен.

— Я тебе подарю гребень, но и ты сделай мне...

— ...подарок. — Рени пожалела, что ничего не захватила с собой. — Хочешь, я подарю тебе мой пояс?

Конечно, это не очень шикарный дар, но больше у неё ничего не было. Правда, это был замечательный пояс, сплетённый из жучиных усиков.

— Нет, не то, — сказала Суп. — Поясок, конечно, хорошенький, но мне надо... Да, вот что... Мне нужна волшебная палочка!

О, только не это!

— У фей с острова Нетинебудет не бывает волшебных палочек, — объяснила Рени. Суп удивилась.

— Как это: у фей — да нет волшебных палочек?

— У нас их нет. Это только у фей на Большой земле...

— Ну так ты достань мне у них волшебную палочку. Я подожду. И она вынула гребень из своих волос и протянула его Рени. Рени взяла гребень. «О волшебной палочке подумаем после», — решила она про себя. Она поблагодарила Суп и, толкая гребень перед собой, стала всплывать на поверхность. Наверно, Видия и Прилла решили, что она утонула. Но Рени всё же надеялась, что они её ждут.

А они как раз спорили о том, прошли ли уже полчаса. Прилла сделала сальто в воздухе и в этот момент увидела Рени. Взявшись вместе, Прилла и Видия погрузили гребень в тележку, а потом помогли забраться туда и Рени. И ещё они не забыли взять ботиночки и крылья Рени.

На Площади Фей они погрузили в тележку разбитое яйцо, мундштук, золотое перо и русалочий гребень. Рени могла бы и не брать с собой крылья, но она не захотела с ними расставаться. Она устроилась в тележке и положила их себе на колени. Прилла уложила туда же буханки хлеба, которые королева оставила для них в сарае.

— Поторапливайся, дорогое дитя, — съязвила Видия. — Нечего заставлять дракона томиться в ожидании.

Прилла взялась за шнурок тележки и полетела вперёд. Она всё думала: «Неужели этот Кито такой злощий, что откажется от наших даров, даже если они ему понравятся? Неужели он захочет, чтобы неуклюжики и звери на острове постарели и умерли? Или захочет, чтобы феи остались без фейской пылицы?»

И неужели найдётся на свете такое существо, которое может пожелать смерти Матери-Голубки?»

Глава ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Тележка с шариками была такой тяжёлой, что не могла подняться выше, чем на несколько дюймов. Порой она натыкалась на пни или камни. Весь дневной запас пыльцы израсходовался, когда они перелетели через реку Во. Настала ночь, и Рени распорядилась остановиться и подождать утра.

А за ночь всё подёрнулось пеленой снега. Когда Рени увидела снег, её охватил ужас. Остров выглядел красиво, но что ж это будет, если снега выпадет, скажем, на два дюйма? Он окажется феям по пояс. А если на шесть? Тогда он их просто похоронит.

Спавшему в подземном доме Питеру Пэну одеяло доходило только до середины груди. Он поддёрнул одеяло, но тогда вылезли наружу ступни и лодыжки. Он встал и чуть не задел головой потолок. За ночь он вырос на несколько дюймов!

Капитан Крюк отодрал ножку от стола в своих парадных покоях, чтобы опираться на неё при ходьбе. У него болели ноги.

Медведь, живший на острове, хотел было наловить рыбы, но забыл, где находится ручей Хавендиш.

К удивлению Динь, Мать-Голубка выглядела в это утро получше. Она и чувствовала себя получше. Она замёрзла и враз постарела, но не ощущала себя больной.

Она каким-то образом поняла, что яйцо находится на пути к Кито. Её тело стало понемногу восстанавливаться. Она ждала, она надеялась, что её драгоценное яйцо возродится.

— Я голодна, — произнесла она. Она и не думала, что когда-нибудь ещё сможет проголодаться. Динь хотела её обнять, но удержалась, побоявшись, что сделает ей больно.

— Я принесу завтрак, — сказала фея. — Много-много еды. — Она окликнула Нильсу, разведчицу, зависшую над их головами:

— Нильса, я — за завтраком!

— Хорошо! — отозвалась Нильса, которая со времён ураган ела лишь один раз.

Динь помчалась вдоль берега, то бегом, то немного подлетая и всё время оглядываясь, не покажется ли часом какой-нибудь ястреб. Она надеялась быстро вернуться.

Когда феи — участницы поисков проснулись, то обнаружили, что ночью заснули на краю обширного луга. На горизонте маленьким треугольничком вырисовывалась гора Тортс, где был заключён дракон Кито.

Рени посыпала всего по четверти чашки пыльцы на Видию и Приллу и ничего на себя — она теперь всё равно не могла летать. Видия разъярилась.

— А ну, дорогуша, дай-ка мне полную порцию! — Она протянула руки к мешочку.

— Нет, — отпрянула от неё Рени. — Если нам не удастся заставить Кито возродить яйцо, тогда мы пойдём назад пешком и сохраним...

Видия сделала выпад и ухватила мешочек. Рени вцепилась в него и не отпускала. Прилла возбуждённо подпрыгивала, не зная, что предпринять. Рени, посмотрев Видии прямо в глаза, сказала:

— Ри назначила меня главной. Никто не смеет ослушаться королеву. И тебе это хорошо известно.

Видия отпустила мешок.

— Драгоценная моя, как бы там ни сложилось с Кито, я рассчитываю получить свою долю пылицы. И, дорогуша, я её получу.

В отсутствие пылицы феи-поварихи из Приюта Фей готовили непривычно медленно. Целый час прошёл, пока Динь смогла двинуться в обратный путь с завтраком. Когда она достигла берега, то с ужасом увидела, что к Матери-Голубке подкрадывается лис!

Мать-Голубка стояла, покачиваясь, стараясь отодвинуться от зверя подальше.

Динь бросила еду и помчалась прямо на лиса, не понимая, куда подевалась эта Нильса.

Мать-Голубка крикнула ей, чтобы она сама спасалась. Но Динь не послушалась, она стала орать на лиса, требовать, чтобы тот не смел трогать Мать-Голубку. Она обещала лису, что раздобудет ему что-нибудь другое на обед. Но лис не слушала её, зверя слишком мучил голод. Он подошёл к Голубке уже совсем близко. Та с трудом подняла свои поломанные крылья.

— Лети, Мать-Голубка, лети! — кричала Динь.

Голубка попробовала взмахнуть крыльями. Динь бросилась лису прямо под передние лапы. Лис щёлкнул зубами, но промахнулся.

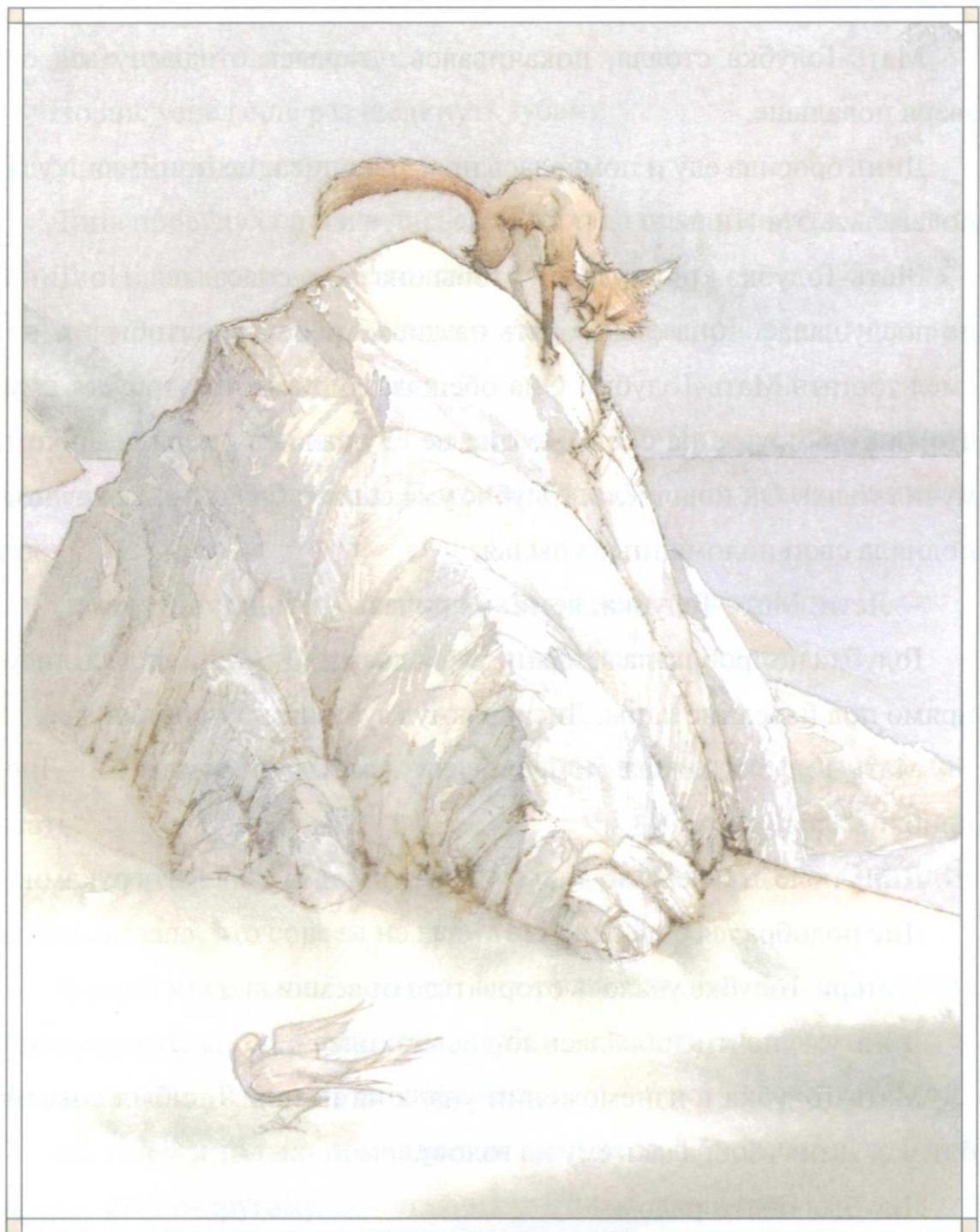
Мать-Голубка снова попробовала взмахнуть крыльями. Лис приближался.

Динь полезла вверх по лисьей ноге, хватаясь за шерсть руками. Лис подобрался ещё ближе. Матери-Голубке удалось оторваться от земли. Динь уже почти добралась до лисьего плеча. Мать-Голубка в изнеможении упала на песок. Лис был совсем близко. Динь взобралась ему на голову. Лис был почти рядом.

Динь выхватила кинжал.

Но лис успел ещё раз щёлкнуть зубами.

Мать-Голубка вскрикнула.

Динь просунула ноги в лисьё ухо и стала протискиваться вниз. Лис взвизгнул и затряс головой.

Динь вывалилась из лисьего уха, сломав при этом ногу, но даже не почувствовала этого.

Лис наклонился, чтоб её прикончить. Но Динь успела всадить кинжал прямо ему в шею. Потекла кровь, и лис, взыв, кинулся прочь.

Плечо Матери-Голубки было разодрано и кровоточило.

— Где Нильса? Почему её нет? — сердито спросила Динь.

— Нильса умерла...

— Почему же она не взлетела повыше, чтобы лис не смог её достать?

— ...от неверия, — закончила свою фразу Голубка. — Одна девочка сказала, что совсем не верит ни в каких фей...

Нильса умерла ещё до того, как появился лис. До чего же это было мучительно для Матери-Голубки — видеть, как фея гаснет, и не иметь возможности это остановить.

«И зачем я только помчалась за завтраком?! Останься я тут, всё вышло бы по-другому...» — подумала Динь в отчаянии.

— Не вини себя, — прошептала Мать-Голубка. — Ты спасла мне жизнь. — Она попыталась сдержать стон, но не смогла.

Динь всё равно чувствовала себя виноватой.

И теперь она снова должна была оставить Мать-Голубку и отправиться на поиски Бек. Та могла знать, как остановить кровотечение. Динь поспешила в Приют Фей, пустившись почти бегом, несмотря на сломанную ногу. Она бежала и думала: «Может быть, мне надо было остаться? Что, если Мать-Голубка умрёт — совсем одна?»

Глава ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Теренс посыпал на Бек достаточно пыльцы, чтобы она смогла побыстрее долететь до Матери-Голубки. Фея с талантом врачевания занялась сломанной ногой Динь. Теренс смотрел на Динь с сочувствием, а Ри расспрашивала её, что же произошло.

На берегу Бек промыла рану Матери-Голубки мыльной росой и сделала повязку из мха, чтобы остановить кровотечение. Рана была очень глубокой.

— Не плачь, Бек, — прошептала Мать-Голубка.

Ну как тут было не плакать? Бек сомневалась, что даже возрождённое яйцо сможет спасти угасающую жизнь Матери-Голубки.

Рени, Видия и Прилла пролетели над широким лугом, потом над искорёженной ураганом кактусовой рощей, миновали табун лошадок с кудрявыми гривами. После трёх часов полёта они достигли холмов, окружавших вулкан Тортс. Ещё через час они оказались у подножья горы. Видия, которая, как всегда, летела впереди всех, заметила дым, шедший из одной из пещер. Это была пещера Кито.

Королева Ри, сопровождаемая Динь, ковыляющей на костылях, отправилась на берег — посмотреть, что там с Матерью-Голубкой. В ответ на вопросительный взгляд королевы Бек только покачала головой.

Пыльца на феях — участницах поисков закончилась в полдень, когда ещё оставалось подняться на гору и найти среди пещер ту, где был Кито. Чтобы добраться туда, требовалось не меньше часу лёта.

Прилла пребывала в радостном возбуждении. Они почти добрались до места. А какое огромное расстояние они уже преодолели! Им довелось пережить такие приключения, и она, Прилла, принимала в них участие!

Она спаслась от Крюка, она убедила Видию дожидаться Рени. Хоть и без таланта, она всё же оказалась полезной.

Рени сказала, что им надо перекусить, прежде чем продолжить путь. Прилла так переволновалась, что совсем не могла есть. Она попробовала перекувырнуться в воздухе, но без пыльцы ей это не удалось. Крылья перевесили, и она свалилась в тележку.

Рени рассмеялась. Бурное веселье Приллы иногда помогало ей забыть про потерю крыльев. Она доела хлеб и смахнула с платья крошки.

Прилла села на шпагат и прошлась колесом. Рени сняла с плеча мешочек с пыльцой. Прилла ещё раз попробовала покрутиться в воздухе, но сальто не удалось. Рени развязала мешочек, и как раз в этот момент Прилла свалилась прямо на неё. Рени покачнулась, пыльца рассыпалась, и её унёс ветер.

У Матери-Голубки поднялась температура. У неё блестели глаза и в ознобе стучал клюв. Бек возвела вокруг неё песчаную стену, чтоб ей было потеплее. Динь на своих костылях прыгала вокруг, стараясь создать хоть какой-то уют.

Мать-Голубка не боялась умереть — она боялась, что так и не узнает, возродилось ли её яйцо.

Она даже подумывала о том, чтобы сказать Ри — мол, пришла пора ощипать с неё перья. Скоро. Скоро она ей это скажет. А пока она попробует ещё какое-то время продержаться.

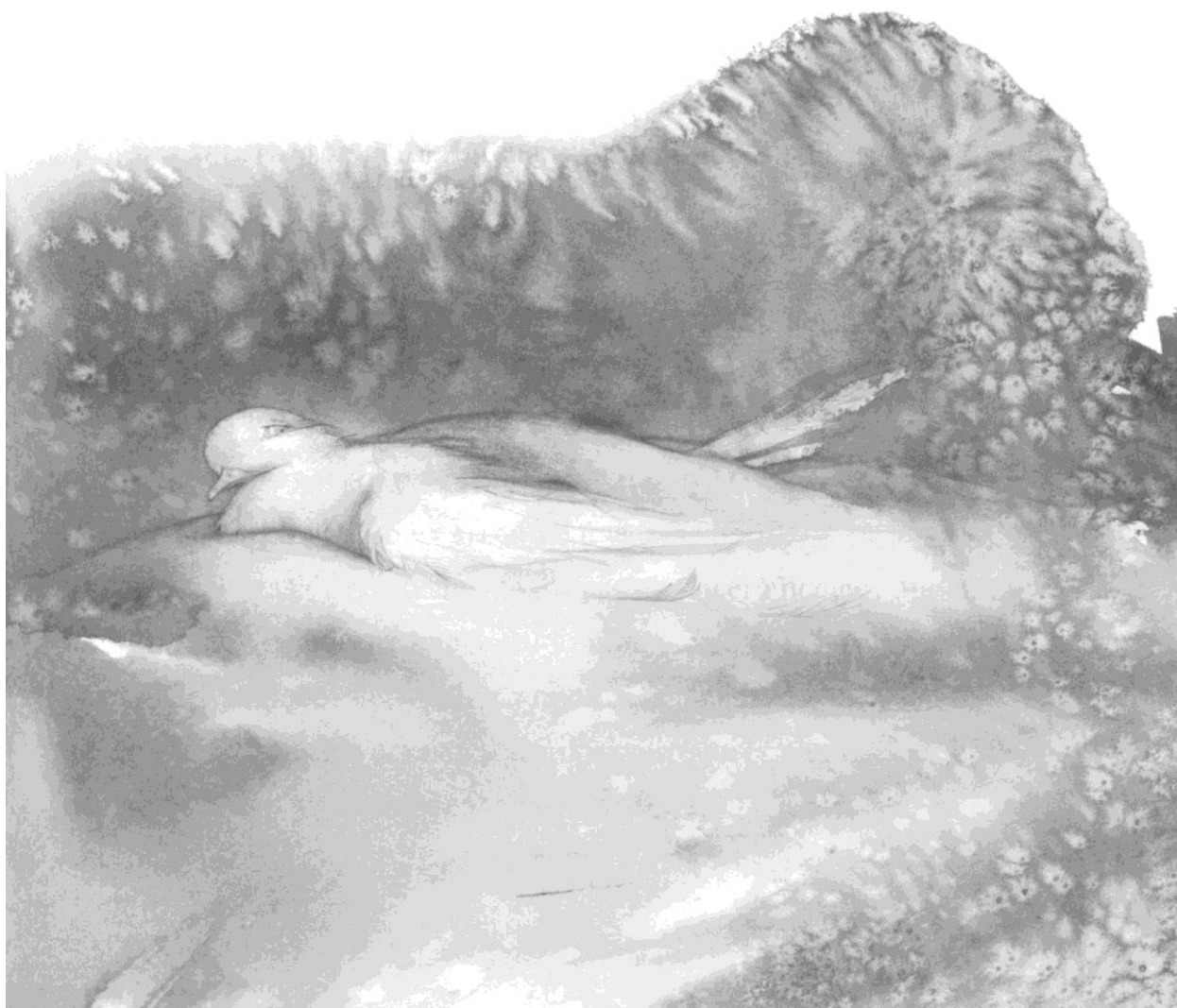
Никто не разговаривал с Приллой. Видия даже стукнула её, когда пыльца разлетелась.

— Простите меня, — прошептала Прилла.

— Только неуклюжики говорят «простите меня», — сказала Рени. — Феи говорят: «Я полетела бы назад, если б смогла».

— Я полетела бы назад, если б смогла, — покорно прошептала Прилла.

Но никто ей ничего не ответил.

Прилла тоже не хотела сама с собой разговаривать. Она только мысленно обзывала себя всякими словами. Она всё погубила. Вот в чём её талант — всё портить. Если даже Кито восстановит яйцо, Мать-Голубка может умереть, пока они будут пешком возвращаться назад. Без пыльцы им не взлететь.

Рени считала, что продолжать поиски бесполезно. Но она всё-таки повела фей в гору. Они взбирались по камням пешком. К счастью, им не надо было тащить на себе тележку, потому что на шариках ещё оставалось немного пыльцы.

По пути они всё время осторожно оглядывались, опасаясь ястребов. Видия подумывала о том, чтобы поделиться своей живой пыльцой. Её хватило бы, чтобы им с Приллой подняться в пещеру Кито, а потом вернуться домой. Ну, а если дракон так и не возродит яйцо?

В этом случае её запас может оказаться последней пыльцой на все оставшиеся времена...

Мать-Голубка бредила. Ей представлялось, что она опять птенец в материнском гнезде и нетерпеливо ждёт корма. Она играла со своими братьями и сестрами, тыкая их клювиком. А потом она оказалась на краю гнезда, готовясь к своему первому полёту. Она чуть не опрокинула Динь, пытаясь взлететь. Как, наверно, болели её раненое плечо и перебитые крылья!.. Но она не чувствовала боли — её мысли были в далёком прошлом.

Глава ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

За четыре часа Рени, Видия и Прилла добрались до первой из пещер. Она оказалась необитаемой. Прилле почудилось, будто она слышит какое-то непонятное потрескивание. Через минуту Рени и Видия слышали его тоже. Это же горит огонь! Кито!

Кито также их слышал. Феи обычно почти не производят шума, потому что, когда они разговаривают между собой, их не слышно. Но они дышат. Именно их дыхание и уловил Кито.

Они пролезли в расщелину, которая вела в его пещеру. Чем ближе они подходили, тем жарче им становилось. С Рени пот лил ручьями. Все её носовые листочки промокли насквозь.

Когда до пещеры осталось всего ничего, их оглушила чудовищная вонь. Так пахло от дракона, который тысячу лет не мылся и не чистил зубы.

Феи заглянули за край скалистого выступа. Дракон увидел их широко раскрытые глаза. Тележка с шариками чуть-чуть приподнималась над этим выступом.

Прилла даже готова была бы пожалеть Кито, если бы его физиономия не выражала такой злобы. Он был величиной со средних размеров слона. Ему почти негде было развернуться. Его шкура была вся в шрамах и ссадинах от решёток.

Приглядевшись попристальнее, Прилла поняла, что это вовсе не решётки. Ему не давали двинуться корни дерева Бимбим. Они оплели выход из пещеры и закрепились в скале. Корни этого удивительного дерева не боятся огня, и чем их сильнее оттолкнуть, тем упорнее они сопротивляются. Такое дерево растёт только на острове Нетинебудет.

В тесной пещере Кито в углу оставалось местечко для его довольно скудногоклада.

Вдруг примерно футах в десяти от пещеры пролетел ворон. Китодохнул пламенем и зажарил птицу прямо на лету. Потом он сильным вдохом втянул ворона в пещеру. Тот застрял в корнях, но Кито рванул его зубами и проглотил целиком.

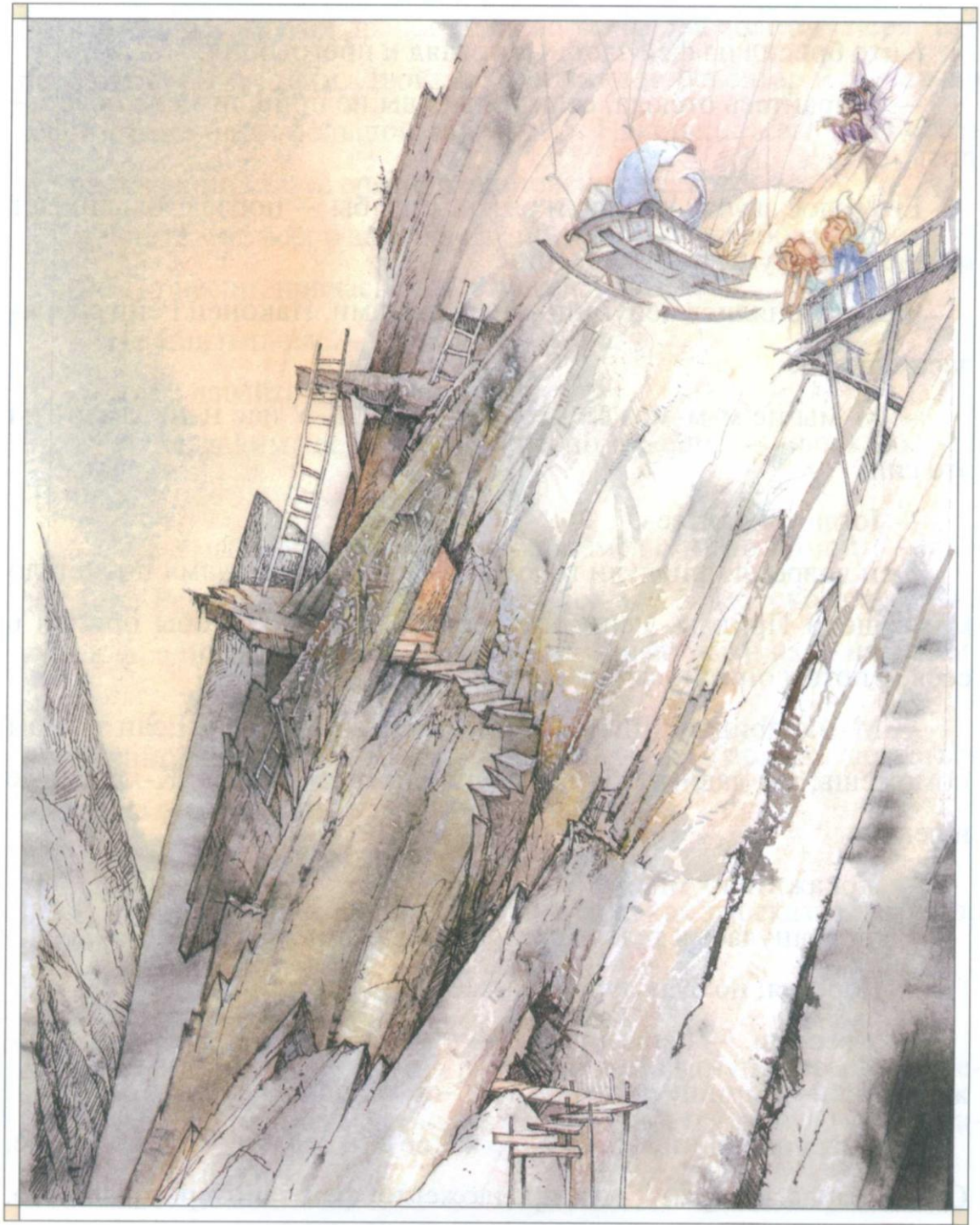
Рени подумала: «Он зажарит нас раньше, чем мы успеем сказать хоть слово!»

Прилла хотела, чтобы у неё объявился талант управляться с драконами. Если б она знала, как их приручают!

Кито бросил на фей злобный взгляд и проговорил:

— Убирайтесь отсюда, если только вы не пришли меня освободить.

Его голос звучал хрипло и резко. Ещё бы — после стольких лет молчаливого, унылого заточения!

Феи обменялись испуганными взглядами. Наконец Рени собралась с духом:

— М-мы не м-м-можем тебя освободить. У нас н-не хватит на это сил.

— Тогда убирайтесь.

Феи вовремя пригнули головы, выброшенное пламя пролетело мимо щеки Приллы.

Рени потребовалось время, чтобы прийти в себя, а потом она снова заговорила:

— М-мы пришли, чтобы п-предложить об-обмен. Если ты нам поможешь, мы дадим тебе три вещи для твоего клада. К-красивые и редкие.

— Покажите их мне.

Рени рванулась к тележке, но Видия зашипела на неё:

— Дорогая, не будь дурой. Он же сразу вдохнёт...

— ...все три. — Рени кивнула. — В-вот что, К-Кито, — предложила она, — я опишу их тебе, а ты п-послушай.

И она подробно рассказала, какое его ждёт вознаграждение. Он постарался скрыть, как предложение фей заинтересовало его.

Во владении у других драконов было всего два золотых пера. Его перо стало бы третьим. Двойные мундштуки для сигар и русалочьи гребни тоже были большой редкостью. Наконец-то его клад обретёт наивысший статус среди драконовских кладов.

— Дайте мне всё, и за это я вас не съем! — потребовал Кито. Феи присели, прячась за выступом скалы.

— Не ешь н-н-нас! — крикнула Рени.

— Тогда давайте сюда, что у вас есть!

— Н-не дадим, если ты нам не поможешь! — воскликнула Прилла.

— Мы з-заберём свои вещи и вернёмся с ними домой, — продолжила Рени. — Мы не будем тебя больше б-беспокоить. — Она умолкла, а потом добавила. — А дома мы выставим их н-на аукцион.

Аукцион?! Вот уж нет! Все эти драгоценности должны достаться Кито. Из его пасти вылетел огненный плевок.

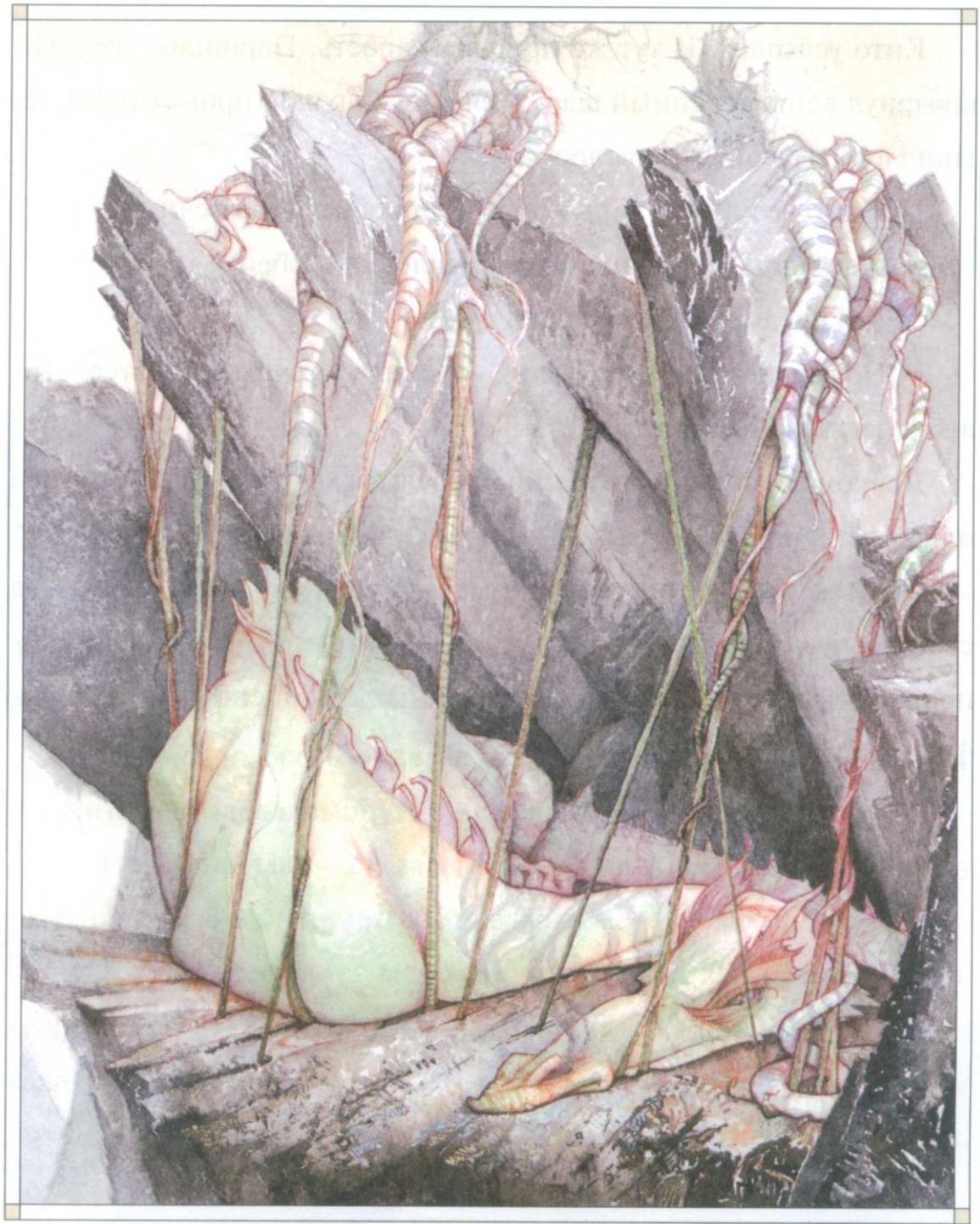
— Что вы хотите от меня?

Рени, сбиваясь и дрожа от страха, кое-как рассказала ему про яйцо Матери-Голубки.

— Покажите мне яйцо.

Феям пришлось забраться на скалистый выступ, который перегораживал пещеру. Охваченные ужасом, Рени и Прилла вскарабкались на самый край.

Кито заметил, что у Рени нет крыльев.

Видия вынула из тележки яйцо и положила его на выступ. Она хотела было и сама забраться туда, но передумала. Если дракон снова решит дохнуть пламенем, то пусть лучше поджарятся другие, а не она.

Как только Кито узрел яйцо, он понял, что может его восстановить. Однако притворился, что сомневается и размышляет.

«Пожалуйста, пожалуйста! — мысленно молила его Прилла. — Спаси Мать-Голубку! Не убивай нас!»

— Давайте мне то, о чём вы говорили, — для моего клада... — Языки пламени плясали вокруг драконьих губ. — ...и я восстановлю ваше...

— ...яйцо, — как всегда, закончила фразу Рени. — Одну из вещей я дам тебе немедленно. А когда яйцо будет восстановлено, то отдам и все остальные. Что ты хочешь получить в первую очередь?

— Перо.

Видия направилась к тележке, но пера она там не обнаружила. Она лихорадочно перебрала всю поклажу. Никакого пера!

— Где же оно?

Рени и Прилла спустились, чтобы помочь ей искать. Но — нет! Нет! Золотое перо исчезло!

— Его, должно быть, сдуло ветром, — в замешательстве прошептала Рени.

Кито услышал. И тут же пришёл в ярость. Паршивые феи! Он швырнул в них огненный шар. К счастью, дракон промахнулся, но Прилле слегка опалило волосы.

Прошло несколько минут, пока Рени обрела дар речи.

— Мы дадим тебе мундштук и русалочий гребень.

— Три предмета. Вы обещали три!

— Пожалуйста, мистер Кито! — молила Прилла. — Матери-Голубке так нужно её яйцо!

Дракон не ответил. Ему было наплевать, выживет Мать-Голубка или умрёт. Рени стёрла капельки пота с кончика носа.

— У нас есть кое-что ещё, — сказала она. Бескрылая фея взяла свои крылья и прижала их к груди. — Нечто ещё более необычайное, чем золотое перо. Пара украшенных драгоценными камнями фейских крыльев.

Глава ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

— Рени, не делай этого! — закричала Прилла.

— Крылья феи? — Кито пришёл в восторг. С этими крыльями его клад станет абсолютно уникальным! — Покажи, — велел он.

— Не смей их брать! — верещала Прилла.

Кито собрался швырнуть в них ещё один огненный шар.

— Тихо, Прилла, — сказала Рени. — Послушай, Кито, я опишу их, чтобы ты знал, что мы тебе предлагаем.

«Ах, какой это будет великолепный конец для моих крыльев, если они спасут Мать-Голубку!» — подумала Рени и подробно описала их дракону.

Он жадно ловил её слова. Настоящие крылья настоящей феи, которая больше не сможет летать!

Кито потребовал крылья вперёд, но Рени ему отказала. Она даст ему двойной мундштук. И только после того, как он восстановит яйцо, — гребень и крылья.

Дракон ухмыльнулся. Какие доверчивые эти феи! На их месте он сначала убедился бы, что Мать-Голубка действительно поправилась, а потом бы уж и отдавал последний из обещанных предметов.

Прилла и Рени втащили мундштук в жерло пещеры и тут же убежали.

Кито потрогал мундштук когтем. Он потёрся об него щекой. Понюхал и полизал. Ему захотелось, чтобы феи куда-нибудь делись, а он провёл бы с этим предметом несколько часов наедине.

Но Прилла принесла яйцо. На его голубой скорлупе чернели пятна. Два маленьких осколка помещались в большом. В них была насыпана зола, оставшаяся от того, что раньше было содержимым яйца.

Прилла опрометью бросилась назад и встала рядом с Рени на каменном выступе, наблюдая за действиями Кито. Кито выдохнул золотой язык огня. Пламя стало шипеть и плеваться искрами. Сквозь него феям было видно, что с яйцом ничего не происходит. Кито проглотил своё пламя и заявил:

— Всё гораздо сложнее, чем я ожидал. Однако я думаю, что справлюсь, — добавил он глубокомысленно. А внутренне он хохотал. Драконы любят выхваляться, и Кито получал удовольствие, потешаясь над феями.

Кито выдохнул ещё более яркое пламя, малиново-красное. Оно шуршало и потрескивало то вокруг яйца, то внутри. Но яйцо так и оставалось разбитым.

Рени вытерла своё взмокшее лицо. Неужели она зря пожертвовала своими крыльями?

Кито укротил пламя.

— Феи, я сделаю ещё одну попытку.

Он выпустил новый язык пламени, голубой, как свет луны в полночь. Это пламя выбрасывало из себя маленькие молнии. Возле каменного выступа поднялся сильный ветер. Прилла и Рени рухнули на землю. Видия пригнулась.

Прилла подняла голову, чтобы поглядеть, но яйцо было скрыто пламенем. Кито надул щёки, у него чуть глаза не вылезли из орбит, он всем телом подался в сторону яйца.

Его пламя поднялось так высоко, что лизнуло невысоко стоящее облачко. За две мили от пещеры заживо сгорел пролетающий воробей. За три мили от неё вспыхнула на лугу сухая трава.

В этот момент Кито плюнул в уже восстановившийся желток. Потом он починил скорлупу. В яйцо с огненной слюной дракона попала частичка его злобы. Но феи не могли этого заметить!

Пламя угасло. Перед ними лежало яйцо, целое, как и прежде.

Мать-Голубка погрузилась в глубокий сон. Все феи собрались возле неё. Если перед смертью она проснётся, они смогут с ней попрощаться.

Все признаки того, что яйцо было разбито, исчезли. Его скорлупа стала бледно-голубой, как раньше. Рени дотронулась до него. Оно было гладким и прохладным. Рени ни на миг не усомнилось, что оно так же совершенно, как и до урагана.

Прилла и Рени отнесли Кито гребень. Затем Рени принесла крылья и нежно погладила их, словно прощаясь.

Кито мог мгновенно спалить всех трёх фей, но если бы он это сделал, то никто бы не узнал, какую злую шутку он сыграл с их драгоценным яйцом. Так что он решил: «Пусть себе убираются восвояси эти дурацкие феи».

Рени и Прилла погрузили яйцо в тележку. Видия поддерживала её, чтобы она не накренилась. Феи начали медленно спускаться с горы. Неделя пройдёт, прежде чем они пешком доберутся до дому. Мать-Голубка может к тому времени умереть.

Горю Приллы не было границ. «Мы всё сделали, — думала она, — но наши труды могут пойти прахом только из-за того, что мне захотелось покрутить сальто!»

Видия вела сама с собой яростный спор. Если она поделится своей живой пылью, то они могут успеть вовремя. Ну, а если Мать-Голубка всё-таки не выздоровеет, то получится, что она, Видия, зря потратит последнюю пыльцу и больше никогда не сможет

летать. Но с другой стороны, пыльцы у неё всё равно оставалось только на два дня. Что же ей предпочесть: уверенность, что она сможет полетать ещё два дня, или риск ради возможности летать вечно?

— Хм, послушайте, дорогие, мы можем полететь домой. У меня есть немного...

— ...пыльцы. Пыльцы! Пыльцы?! — поразились Рени. Видия кивнула.

Прилла и Рени вытаращили на неё глаза. У неё всё это время был запас пыльцы?

Прилла подумала: «Одно хорошо — что у меня нет таланта быть себялюбивой свиньёй».

Душа Матери-Голубки парила высоко над берегом, где лежало её обмякшее тело. Её связь с телом ещё окончательно не прервалась, но эта связующая ниточка становилась всё тоньше и тоньше и готова была вот-вот лопнуть.

Феи-музыкантши запели самую печальную фейскую песню: «Не улетай от меня далеко». Постепенно к их пению присоединялись и другие голоса.

Рени сидела в тележке. Видия сыпала пыльцой себя и Приллу. Прилла моментально заметила разницу. С живой пыльцой она почувствовала себя невесомой, а крылья сделались крепкими, как у орла. Она поняла, как соблазнительно было для Видии выщипывать у Матери-Голубки перья, хотя сама она никогда не стала бы этого делать.

И хотя они теперь двигались очень быстро, на то, чтобы достичь реки Во, ушло два с половиной часа.

Мать-Голубка была в одном шаге от смерти. Возможно, феям так и не удалось бы попасть к ней вовремя. Но тут остров Нетинебудет уменьшился в размерах. Через десять минут они пролетели над Приютом Фей и ещё через две минуты приземлились на берегу.

Мать-Голубка почувствовала, что яйцо прибыло. Душа её вернулась обратно в тело. Боль стала почти непереносимой.

Прилла была потрясена её видом. Перья приобрели болезненно-жёлтый оттенок, и только на плече они были красными от крови. Голова Голубки беспомощно свисала, щёки ввалились.

Мать-Голубка открыла глаза и сказала срывающимся голосом:

— Поднесите яйцо ко мне поближе.

Видия, Рени и Прилла втроём сняли яйцо с тележки и подтащили его к голубке. Никто не двигался. Все затаили дыхание. Мать-Голубка что-то проворковала.

Прилла приготовилась сделать сальто.

Мать-Голубка протянула к яйцу коготок. Дюжина фей бросилась к ней — поддержать, чтобы она не упала. Но у неё вдруг вырвался стон:

— Кито испортил моё яйцо... — и голос её перешёл в предсмертный хрип.

Глава ТРИДЦАТАЯ.

«Мать-Голубка не должна умереть! — подумала Прилла. — Я обязана её спасти! Я попробую! Фею можно спасти, если веришь, что они существуют на свете. Может быть, вера спасёт и Мать-Голубку? Дети, много детей должны подтвердить, хлопая в ладоши, что они верят в фей, верят в волшебство».

Прилла представила, что очутилась в туннеле. Он оканчивался выходом на Большую землю. Она должна оказаться там! Прилла полетела.

И вот она уже на Большой земле, на карусели — перелетает от одного ребёнка к другому, перекрикивая музыку:

— Хлопайте в ладоши, чтобы спасти Мать-Голубку! Хлопайте в ладоши, если вы верите в остров Нетинебудет! Хлопайте, чтобы феи могли летать!

Она увидела, как двое ребяташек захлопали, и полетела дальше. И оказалась в школьном актовом зале, где шло представление.

Прилла летала над рядами.

— Хлопайте, чтобы спасти Мать-Голубку! Хлопайте, спасайте остров Нетинебудет! Спасайте фей!

Она перенеслась в песочницу, где играли малыши.

— Хлопайте в ладоши, чтобы Питер Пэн оставался вечным мальчиком!

Затем она появилась там, где дети качались на качелях.

— Хлопайте, спасайте Мать-Голубку! Вы верите в волшебство? Тогда хлопайте. Громче! Громче!

Потом она перелетела туда, где были другие качели — в виде доски, на обоих концах которой сидели дети.

— Хлопайте, чтобы спасти остров Нетинебудет! Хлопайте в ладоши!

А там, на берегу, яйцо начало вращаться, всё быстрее и быстрее. Но Мать-Голубка по-прежнему была при смерти.

Прилла оказалась на дне рождения одной девочки-неуклюжика и запорхала над зажжёнными на торте свечами.

— Хлопайте в ладоши ради спасения Матери-Голубки! Хлопайте, спасайте остров Нетинебудет!

Яйцо продолжало вращаться, в нём появилось какое-то голубое мерцание. Потом раздался пронзительный свист. Рени и Видия услышали треск пламени, как в пещере Кито.

А на Большой земле Прилла очутилась над шеренгой ребятишек, смотревших на физкультурный парад.

— Хлопайте ради Матери-Голубки! Бейте в ладоши ради фей с острова Нетинебудет! Вы верите в волшебство? Так спасайте его — хлопайте!

Вокруг Матери-Голубки тоже образовалось голубое мерцание. Прилла металась от дома к дому.

— Хлопайте, хлопайте, бейте в ладоши! Ради Матери-Голубки! Хлопайте, хлопайте, хлопайте!

Хлопайте, если вы сейчас читаете эту книжку! Хлопайте ради Матери-Голубки! Хлопайте ради фей с острова Нетинебудет, ради Приллы! Хлопайте!

Феи слышали приглушённый шум. Шум постепенно превратился в гул. Неужели это то, о чём они подумали?

Да! Это дети дружно били в ладоши!

Феи начали кричать:

— Хлопайте, хлопайте, спасайте Мать-Голубку! Хлопайте! Хлопайте!

Победный гул нарастал. Тысячи детей били в ладоши, хлопали, хлопали, потому что верили в волшебство.

И плевок дракона Кито в яйцо растаял и испарился. Дрожь пробежала по всему острову.

Гул замолк. Прилла вернулась.

Она увидела Мать-Голубку — упитанную и здоровую, как до урагана. А рядом было яйцо — каким Кито по уговору должен был его возродить. Оно всё ещё слабо мерцало.

Прилла заморгала в изумлении. Потом она засмеялась и исполнила сальто.

Мать-Голубка крыльями отгребла песок от яйца. Потом, убедившись, что всё в порядке, села на него. Тёплый ветерок повеял вдоль берега.

Капитан Крюк выпрямился и отбросил палку, сделанную из ножки стола. Питер Пэн поднял глаза. Потолок в его подземном доме был где и положено — высоко над головой. Он не вырос! Питер тут же поклялся, что и не вырастет никогда.

Золотой ястреб взлетел выше обычного. Он даже мог разглядеть четырёхлистник клевера на соседнем лугу. Никогда ещё он не чувствовал себя так хорошо.

На берегу Мать-Голубка повернулась к Динь.

— Спасибо тебе, Динь, — сказала она. — Я никогда не забуду, как ты за мной ухаживала, сколько бессонных часов провела возле меня. Это было тяжёлое время.

Динь кивнула.

— Ты молодец, Динь.

— Мы все благодарны тебе, Динь, — сказала Ри.

Прилла подумала, не поблагодарит ли Мать-Голубка и её.

— Видия, — продолжала Мать-Голубка. — Я благодарю тебя за то, что ты отправилась на поиски. Я вижу, что ты вернулась, совсем не изменившись. Что ж, очень жаль.

— Дорогая моя, — откликнулась Видия, — если ты и в правду хочешь меня отблагодарить, разреши мне выдернуть у тебя парочку перьев!

Мать-Голубка подняла голову и издала коротенький свист. Потом сказала:

— Рени, Рени... Твои бедные...

— ...крылья, — закончила Рени.

До этой минуты никто даже ничего и не заметил. А тут Ри вдруг вскрикнула, у других фей перехватило дыхание. Все увидели, что за спиной у Рени нет крыльев.

Рени обняла Мать-Голубку и всхлипнула, затем выпрямилась и произнесла:

— Я бы сделала это снова.

— Я знаю, — отозвалась Мать-Голубка.

— Зато я плавала вместе с русалками!

Потом Рени повернулась к Ри.

— Знаешь, я пообещала русалке принести волшебную палочку. Мне пришлось, иначе она не отдала бы мне гребень.

Ри понятия не имела, как они смогут сдержать обещание, но сейчас ей не хотелось об этом думать.

Феи услышали хлопанье крыльев и в тревожно вскинули головы. Но это был не ястреб, а голубь. Он опустился рядом с Матерью-Голубкой. Они обменялись приветствиями, и Мать-Голубка сказала:

— Это Брат-Голубь, Рени. Отныне он будет тебе служить крыльями.

— О! — У Рени опять потекли слёзы.

— Полезай мне на спину, — сказал Голубь, протягивая крыло, чтобы ей было удобнее взобраться.

Она взобралась. Села, свесив ноги по обеим сторонам его шеи. Он засмеялся:

— Не бойся, я не дам тебе упасть. — И поднялся в воздух.

Рени чувствовала себя так же свободно, как если бы летала на своих собственных крыльях. А каким мощным, каким стремительным был этот полёт. Ой, как быстро! Ой, как высоко! Феи на песке казались маленькими крапинками. Море было тёмно-синее, испещрённое полосками белой пены. Теперь это было её море. Она могла резвиться, и плавать, и даже встретиться ещё с какой-нибудь русалкой.

Брат-Голубь постепенно снижался, описывая круги в воздухе. Все феи разразились дружными аплодисментами, когда Рени ступила на песок.

— Только посвисти, когда я тебе буду нужен, и я тут же прилечу, — ласково пообещал Рени Брат-Голубь.

— А теперь... — Мать-Голубка распахнула крылья и обняла ими Приллу. Фея почувствовала, какие мягкие у неё перья. Она вдохнула её сладкий тёплый запах.

Потом Мать-Голубка отпустила её. Прилла чихнула и растерянно улыбнулась.

— Только Кито мог возродить моё яйцо, — начала Мать-Голубка. — Но он осквернил его, и нам нужна была ты, Прилла, чтобы оно опять стало таким, как прежде. В счастливый день ты появилась на острове Нетинебудет. — Она повернулась лицом ко всем. — У Приллы объявился талант. Она наша первая посещающая Большую землю и вызывающая детские аплодисменты фея.

— Ох, подумать только! У меня есть талант! — радовалась Прилла. — Значит, я всё делала правильно!

— Только ты у нас одна с таким талантом, — добавила Мать-Голубка. — Тебе порой будет одиноко, Прилла.

Прилла кивнула, Что ж, ей не привыкать. Но всё-таки лучше с талантом, чем без него.

Феи молчали. Первой нарушила тишину Динь:

— Прилла может быть почётной феей-починкой. Мы с удовольствием её примем.

Прилла в удивлении повернулась к Динь и обнаружила у той весёлые ямочки на щеках.

— Прилла может быть почётной водяной феей. Я кое-чему её научу, — заявила Рени.

— Спасибо, Рени, — прошептала Прилла. Она боялась что вот-вот расплечется.

Снова наступила тишина.

Потом Теренс сказал:

— Прилла может быть почётной пыльцовой феей.

Дульси предложила ей быть почётным пекарем. Тут поднялся страшный галдёж. Все феи хотели сделать Приллу почётно-причастной к их талантам.

Прилла всё-таки расплакалась и проделала дюжину сальто подряд.

Мать-Голубку пробрала дрожь. Она улыбнулась счастливой улыбкой и сказала:

— Началось.

Это означало, что она вот-вот сбросит перья.

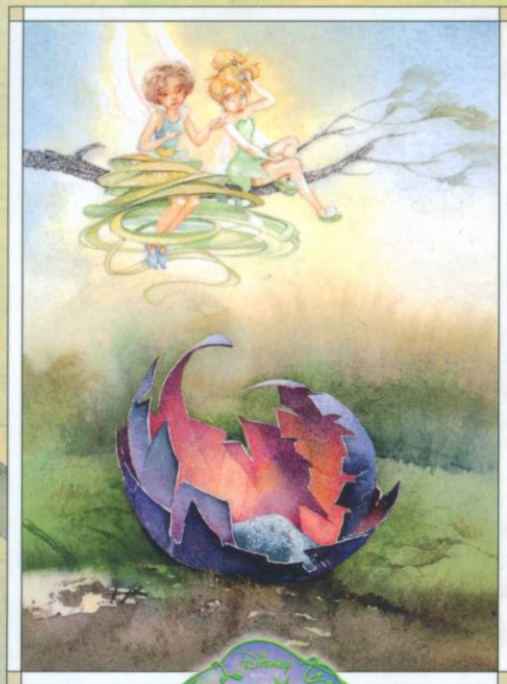
Об авторе

Когда Гейл Карсон Левин была маленькой, она просто обожала книжку Джеймса Барри «Питер Пэн» и считала Венди, хотевшую покинуть остров Нетинебудет, дурёхой. Гейл всю жизнь читала сказки, но сама начала их писать, только когда выросла. Она написала одиннадцать книг, в том числе и сказку «Зачарованная Элла», по которой в Голливуде был снят фильм. Гейл со своим мужем Дэвидом и их эрдельтерьером Бакстером живёт на старой ферме в окрестностях Нью-Йорка.

О художнике

Дэвид Кристиана проиллюстрировал более двадцати детских книг, четыре из которых написал сам. Его работы удостоились высших похвал у таких изданий, как «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью», «Паблишерс Уикли» и «Пипл», и ежегодно выставляются на выставках американского Общества иллюстраторов.

ЭТА КНИГА переносит юных читателей в мир знаменитой сказки Джеймса Барри «Питер Пэн». В мир вечного детства, полный фей, волшебства и приключений. Книга написана известной американской писательницей Гейл Карсон Левин и переведена на русский язык выдающейся поэтессой и переводчицей Ириной Токмаковой.

Не успела новенькая фея по имени Прилла прилететь на заколдованный остров Нетинебудет, как там разыгрался ужасный ураган. Чтобы спасти остров от гибели, Прилла и её подруги должны отправиться в удивительное и опасное путешествие. Их ждут встречи с коварным капитаном

ЭГМОНТ Крюком, заносчивыми русалками, свирепым ястребом и жадным драконом. Сумеют ли феи одолеть все преграды и достичь своей цели?